

Елена Александровна Асеева

ЛАН-ЭА,
ВЛАСТИТЕЛЬ НЕБЕС

том первый

Елена Асеева

**Лан-Эа, властитель
небес. Том первый**

«Издательские решения»

Асеева Е. А.

Лан-Эа, властитель небес. Том первый / Е. А. Асеева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968377-9

Перед Вами продолжение фантастического романа «По ту сторону Солнца». И вновь в поле зрения планета Земля, где промелькнувшие времена откинули человечество к первобытному уровню. Впрочем, даже среди тех диких землян появляется тот, чьи способности становятся настоящей опасностью, как для созданий Веж-Аруджана, так и пяти гиалоплазматических Галактик. И теперь вопрос заключается в одном, чью сторону в начинающейся межгалактической войне займет простой человек, или удивительное создание, Лан-Эа.

ISBN 978-5-44-968377-9

© Асеева Е. А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	20
Глава пятая	23
Глава шестая	27
Глава седьмая	30
Глава восьмая	37
Глава девятая	42
Глава десятая	46
Глава одиннадцатая	51
Глава двенадцатая	55
Глава тринадцатая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Лан-Эа, властитель небес Том первый

Елена Александровна Асеева

*Я в этот мир пришел, – богаче стал ли он?
Уйду, – великий ли потерпит он урон?
О, если б кто-нибудь мне объяснил, зачем я,
Из праха вызванный, вновь стать им обречен?
Омар Хайям.*

© Елена Александровна Асеева, 2019

ISBN 978-5-4496-8377-9 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-8378-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава первая

Когда-то моя планета была другой...

Населенная человечеством, покрытая бескрайними синими океанами, морями, да реками, зелеными лесами, лугами, да равнинами. И тогда она полностью соответствовала своему названию – Земля. Ибо была травной планетой, где в достатке водились животные и селились птицы, где непрерывному гулу насекомых откликался такой же монотонный шум наполняющих Землю городов, поселков, станиц, деревень. Может в подобном населенном пункте жили когда-то мои предки... какие-нибудь прапрапрадеды. Они ходили или ездили, летали на каком-нибудь транспортном средстве по тому городу, трудились, мечтали, растили детей, надеясь, что их жизнь со временем станет лучше.

Но лучше не стало.

И это несмотря на то, что города превращались в огромные мегаполисы, простирающиеся на тысячи километров, поглощающие поселки, станицы, деревни. Люди в безудержном темпе все старались изменить русла рек, выкачать из недр планеты всю нефть, выгребсти все ценности. А потому они высушивали болота, озера, моря, вырубали леса, распахивали целинные земли. И все время старались преодолеть пределы планеты, вылететь, и покорить Солнечную систему, обосноваться на ближайшем спутнике, и соседних планетах. Очевидно, волею и туда принести тоже самое опустошение. Но, то ли людям не удалось вылететь с планеты, то ли их рьяные попытки остановили высокоразвитые расы населяющие Галактику Вышень, да только растерзанная человеческой ненасытностью, безразличием и беспечностью, планета лишилась своего былого процветания, а погода, точно в отмщение уничтожила и сам людской род.

Я не знаю точно, когда это случилось, но на Земле вспыхнуло вирусное заболевание, почти полностью уничтожившее жителей планеты, опустошившее города, поселки, станицы, деревни, более тяжелым последствием, которого стала полная деградация человеческого вида. Эта тяжелая вирусная инфекция вспыхивала на планете и потом. И остатки людей не приобрели иммунитета, продолжая ею болеть. Моя мать, будучи беременной мной, также тяжело болела, и едва выжила... и также (вернее всего) едва выносила меня.

Жизнь сейчас на Земле если и имелась, то сосредоточием ее были горные большей частью каменистые массивы, где все еще жили звери, птицы, а в узких речушках, стекающих с вершин, водилась рыба. В этих краях встречались и травяные места, лесные урочища, заболоченные низины. И там продолжали существовать в маленьких поселениях люди, уже более похожие на своих собратьев зверей, собственным видом, нравами, поступками.

Большая же часть планеты представляла собой песчаные земли. И это были, опять же, не только равнины, морские впадины, высохшие речные долины, мелкие курганы, не только песчаные барханы, но и каменистые, глинистые, впрочем, и тут без какой-либо растительности или животного мира. Словно человеческая жестокость завершилась для планеты необитаемым пространством, где от высоких температур сгорела, превратившись в песочный прах не только почва, но и все живое на ней.

Я родился в одном из небольших селений, где люди выживали за счет собирания, охоты и разведения скотины. Мой отец и мать были уже пожилыми, когда у них появился я, последний ребенок. Слабый, худой, чью кожу покрывали шелушащиеся серые пятна и пузырьки, не имеющий ногтей, волос (ни на голове, ни на теле). Будучи таким уродом, я был терпим собственной родней лишь до того времени пока жили отец и мать. Когда же они умерли, а это слу-

чилось как-то в одно лето, со сравнительно небольшим промежутком времени, родственники выгнали меня из поселения, сочтя не нужным, лишним ртом. Да еще и убогим существом, не способным в будущем иметь потомство.

Тогда мне было лет десять, одиннадцать, не больше. Потому что счет времени, как таковой, люди из моего племени не вели. Они лишь отмечали для себя смену сезонов года, с холодного на теплый, а потом дождливый. Очень короткий срок времени, когда на Землю, а может только горные склоны, серо-пепельный небосвод выливал жалкие, но столь необходимые порции воды.

Оставшись один... Точнее выгнанный из поселения, я не погиб, а продолжил жизнь. Сначала недалеко от поселения в металлическом, четырехугольном ящике врытом до середины в землю, внутри которого когда-то располагалась какая-то установка, а на тот момент, когда в ней проживал я, остались лежащие на полу огромные цельные валы. Позднее я поселился выше по склону в пещере, которую когда-то мне показала мать. Впрочем, я продолжал приходить к родне за пропитанием, забирая у них все, что мог стащить, все, зачем они не успели доследить.

Оставшись один... То ли от тех переживаний к очевидному моему уродству добавилась новая болезнь, с потерей ориентации, тяжелыми конвульсиями, когда приходя в себя, я подолгу мучился от болей в руках, ногах, спине и голове. Впрочем, это новое мое убожество предоставило мне определенные способности, знания и в моем случае удивительные путешествия из-за которых я приобрел больше, чем потерял и пережил.

В последующие пять лет, в тех удивительных путешествиях (как я их называл), я научился считать, хорошо говорить (как оказалось на перундьяговском языке) и в целом приобрел определенные понятия дня, ночи, смены времени, часа, суток, лета. Я узнал о строении и устройстве нашего Веж-Аруджана, в который входили Галактики Сварга, Вышень и Брахма, соответственно населенные высокоразвитыми и малоразвитыми расами, к которым в свой черед относились человеческие виды. Управляли Веж-Аруджаном высокоразвитые расы (со старшей и аруджанобразующей расой тарховичей), где в Галактике Сварга, в основополагающей системе Тарх, заседало Великое Вече Рас, возглавляемое амирнархом. Впрочем, касаясь Веж-Аруджана, и соседствующими с ним пятью гиалоплазматическими Галактиками: Джиэйсиу, Ланийкдан, Гёладже, Шокмад, Срынфы, мне было известно также мало, как и о произошедшем вирусном заражении землян, точнее солнечников, как называли их высокоразвитые расы.

Я оказался очень умным, с легкостью запоминал все мною слышанное, воспроизводил, соотносил названия и внешний вид животных, птиц, растений. И я все время говорил, в отличие от своих родных, пользующихся речью очень редко и кратко, потому мог предаваться беседам с самим собой с утра до вечера. С самим с собой, ибо иных собеседников у меня не имелось. Ведь, в самом деле, нельзя считать собеседником того, кто тебя не понимает или как было в моих путешествиях, не слышит и даже не видит. Так как на самом деле впадая в тот болезненный припадок и лишаясь чувств, мое сознание покидало тело и отправлялось в то самое путешествие.

В самом начале, когда такое стало со мной происходить, мне даже казалось это всего только сны. Но с течением времени я понял, это нечто иное, а именно выход сознания и его странствие в определенное место Галактики Вышень. Точнее я путешествовал по ближайшей к Солнечной, системе Паньгу, которая принадлежала высокоразвитой расе корейвов. В основном отправляясь в вояж на планету Невель. Сии занимательные, удивительные странствия обогатили меня как человека, наполнили знаниями мой мозг, вряд ли диэнцефалон. Условно говоря, о сознании я так предполагал, ибо исходил из знаний, оные приобрел от корейвов полагающих, что создание тройственно, а именно обладает телом, органом центральной нервной системы, диэнцефалоном, и сознанием. Особым живым организмом, замкнутым в грудной клетке, либо возле центрального органа кровеносной системы, либо будучи

им и тогда имеющего название грудное червево. В функциях сознания, как полагали корейцы, находилась личность созданий, повелевающая ощущениями, мышлением и чувствами на уровне выбора. Впрочем, толкуя о малоразвитых расах и людях (к которым я относился), они считали данных существ двойственными, обладающими всего только мозгом и телом.

В моем случае, можно было бы предположить, что я не обладаю мозгом. Ибо вряд ли столь вещественный главный орган центральной нервной системы мог перемещаться, уж я не говорю о своем теле и вовсе. Порой я думал, что, быть, может, отношусь к высокоразвитым расам и попал на Землю каким-то случайным образом. Но потом я смотрел на свое отражение в речной воде и ощущал глупость того размышления. Уж таким я был уродом, в самом деле. И это несмотря на то, что корейцы обладали, супротив человеческого вида, также своеобразной внешностью. Относительно сознания я так еще полагал, ибо мое пребывание на Невель корейцы не примечали. Ступая по траве, я не приминал ее, касаясь вещей, не мог их сдвинуть, хотя и ощущал их тепло, или холод, мягкость, жесткость, точнее даже их вещественность.

Однозначно, эти путешествия начались у меня после смерти родителей, и вероятно, как благо. Ибо не знаю, как тогда меня восприняли мои родственники, лысого, плешивого, да еще и припадочного. Скорей всего, забили камнями, как поступали со всеми больными, дабы не плодить дальнейшее развитие заболеваний. И то благо, что в свой срок мою мать, больную и беременную мной, всего только изгнали, и лишь потому как она была женой старшего в поселении, моего отца.

Во время путешествий я находился на Невель не замеченным, а передвигаясь, ощутило, обладал телом, только не земным, а иным. Оно опять же имело руки, ноги, туловище и голову, с тем в нем отсутствовал костяк и кожа, которые составляло сияющее перламутрово-серебристое плотное вещество, словно собранное из длинных тончайших нитей повернутых относительно друг друга, таким побытом, что они образовывали из себя кристаллические спирали. И хотя само вещество, как и кристаллические спирали, казались жидкими, они формировали достаточно прочный каркас моего тела али сознания.

Это не похожее на привычное для меня тело, однако, было ровно второй моей частью, и, вдыхая ароматы цветов, ощущало их сладковатый дух, чувствовало жар из небесного светила, порывы ветра. Я также мог понимать разговоры корейцев, только если они беседовали на родном и Земле перундьяговском языке, прародиной которого являлась система Дюдолатиара, планета Перундьяаг. У корейцев был и местный, родной им язык, значение которого я толком не осилил, лишь выучив часть их слов, одначе разговор на котором вести не сумел бы.

И если честно говорить, жил и радовался я этой самой жизни, ощущая себя нужным, лишь когда путешествовал, в свой срок вроде, как подглядывая, подслушивая за одной из высокоразвитых рас Веж-Аруджана.

Глава вторая

Свистящий звук рассек потоки воздуха, и я услышал, как в ствол дерева, за которым прятался, вонзилась стрела. С каменным наконечником и чуть покачивающимся древком она все еще легонечко дрожала, когда я уставился на нее, перво-наперво подумав, что это была очередная ошибка моей родни, погнаться за мной. Впрочем, внутри меня и вовсе что-то тягостно колыхалось, а перед глазами будто пустили поземку, кою ветер своими резкими порывами поднимал с земли, и после не менее искусно укладывал сверху. Кровь ощутимыми сгустками плескалась у меня во рту, хотя я все время старался ее сглотнуть. И, кажется, она густо залила мою спину и землю, по которой я сначала уползал, на оной, затем, прижавшись, лежал, одновременно, пугая самого себя отвратительными и очередными моими способностями, оные в отличие от путешествий и сам боялся.

Первая из стрел, пущенная кем-то из моих сродников, все еще торчала куском древка из правой стороны моей спины, ее каменный наконечник, скорей всего, сделал дыру в моем легком (ибо именно такое строение я, как человек имел). Впрочем, в моем случае я не задыхался, лишь порой перед моим наблюдением проступала сизая дымка и во рту клочкотала кровавая слюна. Урод, как называли меня родственники, словно напрочь забывая некогда данное имя Истом, были и впрямь правы, подозревая мои физические недостатки. Потому, сейчас, с пробитым легким я не задыхался, а всего только терял ориентацию. Я еще раз глянул на покачивающуюся стрелу, торчавшую в стволе дерева, и, поднявшись с земли, побежал вперед и вверх, стараясь как можно скорей уйти и не навредить собственным сродникам, и всему тому, что жило кругом.

Да только бежал я не долго, перейдя как-то сразу на шаг и тягостно свесив голову. Ибо к мощному головокружению внезапно прибавилась частичная потеря слуха и зрения, посему я и терял пространственную ориентацию, а порой и чувствительность к боли. А шаг мой (оно как я превозмогал себя) становился шатким. Меня иноредь так раскачивало из стороны в сторону, не редко бросая прямо на растущие стволы деревьев, и тогда я цеплялся за сухие ветви руками, повисая на них, да словно набираясь сил. Лишь потом, тягостно встряхивая головой, продолжал свой путь.

Впрочем, и в этот раз я не смог долго бежать, а миновав каменистое дно ручья, где в небольших углублениях чуть поблескивала в наступающей ночи вода, и оное в свой черед разграничивало для моей родни понимание их поселения и диких территорий, повалился на землю, уткнувшись лицом в сухостой травы, листвы и ветвей, застыв на чуть-чуть. И тотчас тягостно вздрогнул, почувствовав, как шелушащиеся серые пятна и пузырьки на моей коже словно наполнились изнутри водой, сменив свою сухую консистенцию на мокнущую, а на спине моей, куда воткнулась стрела, кровь, сгустившись, образовала плотную корочку, слипшись с самой рубашкой, надетой на мне. Да только сама кровь, будто сменив свое течение, не перестала плескаться в моем рту, и при любом движении вытекала через сомкнутые губы мне на подбородок.

Лежал я иначе опять не долго. Понимание того, что если меня найдут, не выжить никому... Ни мне, ни им, переполняло меня ясностью и особыми моими способностями, которые, в отличие от путешествий, я в себе ненавидел и боялся, всегда стараясь не доводить ситуацию до их проявлений. Сейчас осознание, что все может завершиться плохо, было слишком сильно еще и потому, как я плохо себя чувствовал уже который день. Ибо шелушение кожи с некоторых пор стало доставлять мне боль, а отстающие от возникающих корочек мельчайшие крохи формировали на таких местах глубокие, незаживающие и очень болезненные язвы. Красные пятна, имеющие окаймление из прозрачных пузырьков, наполненных жидко-

стью, серебристые узелки появились у меня еще на голове, лице, и ладонях, пальцах также доставляя неприятные ощущения.

Лишь поэтому я вновь и вновь приходил в поселение за едой, которую естественным образом крал. И если до этого случая мне удавалось во время ретироваться оттуда, то сейчас явно не повезло.

А может это пришло, как говорится, наказание... Ведь теплый сезон в этом году выдался весьма засушливым, жарким. И моим родственникам, которые в основном занимались собирательством и скотоводством, не удалось вырастить и сохранить необходимого количества скота на зиму. Сейчас же когда и в осенний период земля, иссушенная солнечным светом, лишь в ночной период хоронилась от жары, сгубив остатки ягод, фруктов, орехов, люди боролись и за то малое, что им дала планета, не желая делиться с таким не нужным уродом коим являлся, в их понимании, я.

Сейчас почему-то, когда мне стало столь сложно ориентироваться в пространстве и видеть, пришло осознание того, что эту ночь я точно не переживу. Однозначно не переживу, и даже не важно сумею ли добраться до своей норы или нет. В любом случае с воткнутым в спину древком стрелы и ее наконечником, несмотря на образовавшуюся, на теле, корочку, вряд ли смогу дотянуть до утра, не говоря уже о том, дабы пережить надвигающуюся и тут в горах всегда лютую холодную пору времени.

Впрочем, я сделал над собой усилие, и, подавляя стоны, плескающуюся изо рта кровь (неизменно отправляя ее обратно), медленно поднял голову и также неспешно переместившись, сел. Перво-наперво стараясь разобраться, где я все-таки нахожусь, и как долго добираться до моей норы, слегка притом оглаживая собственную одежду на груди. Точнее грубо сшитую из кусков выделанной шерсти длинную рубаху, как и широкие штаны в свое время мною украденные у родни. На ногах у меня были поршни, обувь, пошитая из кусков кожи, каковые мягко огибали стопы. Густой, плотный ворс шерсти слегка прилег под моей ладонью, а после сразу поднялся, словно оберегая меня хотя бы тут. Однако от моего перемещения рубаха на спине слегка потянулась вверх и вместе с тем дернула в том же направлении и саму корочку, образовавшуюся на месте раны, ощутимо пустив из-под нее на кожу тонкую, и, словно, горячую струйку крови.

Да только я не спешил подниматься на ноги, оглядывая находившуюся впереди меня узкую крутобокую рытвину, растянувшуюся по склону, а слева и вовсе делающую резкий поворот вверх. Сама водомоина, по каменистому дну которой, лишь в холодные и дождливые периоды едва струилась речушка, а сейчас только переливались лужицы, где ровно отражались лучи уходящего на покой солнца, совсем немного поросла низким сухостоем травы, кой не успели срезать люди. Сразу за ней не менее тонкой полосой поднимался лес, чья почва вперемежку с мелким и крупным камнем словно выдавливая наружу искривленные черные корни. Не менее изогнутыми были стволы тех деревьев, вывернутые в круги, дуги, извилины. Низкие, с негустой кроной и уже облетевшей листвой, деревья смотрелись жалкими, погибающими созданиями планеты, впрочем, как и люди. Звери и птицы, если и селились то всего-навсего в этих лесных полосах, где в теплое время худо-бедно можно было найти пропитание, редкостью подавая зов о собственном существовании, ровно все еще боясь уничтожающего всё и вся человека. Потому в горах, если кого и удавалось услышать только жужжащих, кровососущих насекомых и нечастое ти-ти малой пташки.

Впрочем, позади меня деревья уже не росли, лишь встречались низкие, приземистые кустарники с искореженными, высохшими веточками, стелющиеся растения, да порой блекло-бурые кустистые мхи. Они окутывали особенно плотно огромные валуны и точно цеплялись за них, вылезая из-под земли. Сам же склон горы (на котором я сидел почитай на его середине) поднимаясь выше, в мале становился каменистым, и упирался своей скальной, отвесной белой макушкой в серо-дымчатый небосвод, по которому едва дымились белесые облака. Три пре-

рывистые гряды слева и справа от моего склона почти не имели растительности, переливаясь в багряных солнечных лучах гладкостью каменных выходов.

Солнце медленно перевалило за низкий косогор, расположенный прямо напротив моего взгляда, где когда-то также находилось поселение людей, в единый момент свернувших свое существование из-за вспыхнувшего у них вирусного заболевания. А небесное светило, сгорбившись за пологой вершиной, тем притушило сам красноватый отлив правящего дневного света, ровно указывая мне, как можно скорей убираться отсюда. Ибо уже в следующее мгновение ледящий воздух дунул с вершины вниз по склону, заколыхав на моей одежде серо-бурую шерсть козы, обдав и меня снежным, морозным духом. Я с трудом передернул плечами, и тотчас услышал, как внизу, точно на линии леса, а может даже границы поселения, раздался болезненный окрик, перешедший в гортанный хрип.

– А... – горько вскрикнул я, боясь, что этот хрип был связан со мной и нес на себе не только пролитую мною кровь, но и смерть моей родне. Они хоть и не считали меня сродником, и не раз швыряли в меня камни, стреляли из лука, пытаясь убить. Не понимали, какую опасность раненный, мертвый я могу для них представлять. Это знал лишь я, посему все эти лета, что оставался один, старался уйти от преследования, не допустить стычки с ними и моего кровопролития. Потому днесь услышав странные шумы из поселения, торопливо поднялся с земли, и, развернувшись, побежал вверх.

Бежать долго я не мог, вряд ли сделал несколько шагов, как меня тягостно качнуло вперед, и я немедля повалился на карачки, въехав в каменистую поверхность земли коленями и ладонями. От боли у меня перехватило дыхание так, что я не смог вдохнуть ли, выдохнуть через нос, а когда открыл рот (чтобы сделать втягивание воздуха им) кровавый поток, с серебристым отливом, выплеснувшись, словно из глубин глотки, прямо на землю, замер там вязким веществом, подобием куска металла. Я резко прикусил нижнюю губу зубами, точнее их остатками, так как за последнее время потерял их большую часть и теперь мучился вздувшимися деснами, и наконец-то вдохнув носом, взяв с места, пополз вперед. Наталкиваясь ладонями на острые края камней, подтягивая вслед себя ноги, и наблюдая саму почву сквозь кровавые пятна света, то ли спущенного солнцем, то ли предоставленного моими глазами.

Порой я резко, отрывисто кашлял, и тогда весь срок сдерживаемые мною кровавые сгустки выскакивали изо рта, точно прочерчивая мой кровавый уход от родни. Погони я не слышал, наверно, они не решились, а может уже и не стали, не могли...

Быть может, я о том задумался б, если был здоров. А так все мои мысли концентрировались на том дабы скорей доползти до моей норы, дабы не начался у меня припадок, и с тем свело ноги и руки в спазме, и сознание покинуло тело, которое однозначно не переживет тогда ночной холод. Ведь пока оставалась возможность ползти на карачках и спастись, я все еще хотел жить.

Вероятно, это желание жить уже не имело под собой ничего человеческого, а соотносилось со звериным инстинктом. Когда погибая, зверь все равно продолжает борьбу за жизнь, огрызается, скулит и старается встать на лапы. Несомненно, во мне на протяжении всей моей жизни боролись две сути: людское – думающее, а потому отвергающее это позорное существование и животное – вопреки разуму, повелевающее жить.

Мне, кажется, я даже пытался подняться на ноги, делая попытку за попыткой, но вновь падал на карачки и в таком виде продолжал свое восхождение вверх, к заветной цели, к своей норе. Однако, даже передвигаясь на всех четырех конечностях, почасту покачивался и не только вправо-влево, но и вперед-назад. А слабая, замирал на четвереньках и тотчас начинал гулко, надрывно кашлять, выплевывая сгустки красно-серебристой крови на уже посиневшую от наступающей ночи землю. Ощущая, как тягостно дергается внутри моей спины накопчик, и, кусок дровка стрелы, словно делая дыру в шкуре рубахи все больше и больше, приподнимая образовавшуюся вместе соединения с раной плотную корочку. К боли в спине

добавилась такая же невыносимая боль в ладонях, а кожа на них смотрелась большущими, кровавыми ранами, где в свой черед красные пятна, имеющие окаймление из прозрачных пузырьков, наполненных жидкостью, полопались, да точно переплелись с серебристыми узелками.

Перед глазами все чаще и чаще красные пятна перемешивались с угловатыми боками серых камней так, что мне становилось сложным понять, вижу я их или нет... Или все же это сон, болезнь и только...

Холод, степенно спускаясь с белой, укрытой тонким слоем снега скалистой вершины курился вокруг меня белесой, как и облака в небе, дымкой, чуть теребя прижавшиеся к земле кустистые мхи и тонкие, высохшие веточки таких же низких кустарников. Он резко толкал меня в плечи и голову, ровно собираясь скинуть вниз, и вместе с тем леденящее дуновение ветра возвращало мне ориентацию в пространстве, потому я и продолжал свой путь, свою борьбу за жизнь. Здесь подъем стал круче, и до заветной моей норы оставалась не так много. А огромные валуны въехавшие боками в землю, словно подкатились под скальные выходы, подпирая их в местах, где все еще виднелись мягкие клоки бурых мхов. И то хорошо, что в наступающей темноте, приглушившей все краски, мои глаза не только видели, но и с легкостью различали цвета. Это еще была одна моя способность, хотя многие мои сродники считали уродством. Ибо в красно-розоватых моих радужках находились, не присущие человеческому роду, поперечно продолговатые, щелевидные с рядом отверстий пурпурные зрачки. Днем они стягивались в узкую полоску, а вечерами приобретали круглую форму. У меня имелись также дополнительные веки, которые располагались во внутренних уголках глаз, и, налезали на глаза в случае сильных ветров, когда пыль била в лицо, давая возможность мне видеть всегда хорошо. Наверняка, это смотрелось уродливо для моих родственников, но мне помогало выжить, и, ни раз.

Впрочем, сейчас густой алый дым, точно плывущий перед моими глазами порой смыкал видимость, а к кроваво-горьковатому привкусу во рту добавились плотные корочки язвенок пролеглих на моих губах, потому и их стало сложно смыкать.

Теперь я, уже все чаще, соскальзывая, падал и даже не перемещался на карачках, а, пожалуй, что полз на брюхе, цепляясь руками за ветки кустарников, мхов, глыбы камней и подтягивая собственное тело. Леденящий ветер ссыпал мне в лицо пыль и перетертый мелкий камень, и кажется кристаллы чего-то ледяного, болезненно ударяющегося о кожу лица. Холод окутал мою спину, ноги, которые я перестал чувствовать, он словно стер до дыр кожу на подушечках пальцев, ладонях так, что они теперь не просто болели, а были охвачены колючим жаром.

А я сквозь легкую алую дымку, кою видимо сформировали напозвшие на глаза дополнительные веки, в расщелине, которую образовали два плотно сдвинувшихся между собой больших камня, наконец, увидел узкую дыру. Черная, она, словно переливалась в опустившейся ночи, спасением моей жизни. Потому я сделал последний рывок, и, поднявшись на карачки, пожалуй, что в два прыжка достигнув той щели, рывком протиснулся сквозь нее, внезапно почувствовав дикую боль в спине, ногах, коленях, руках.

Мне, кажется, я успел еще вскрикнуть, а может только закашлять...

Это все было в тумане, густом алом тумане, в оном я потерял ориентацию верха-низа.

Глава третья

Да, только алый туман, точнее даже дым окутывал меня не долго, и ему на смену сначала пришла густая тьма, а потом передо мной наблюдаемо завертелся небольшой цилиндрический предмет с заточенным нижним концом и веревочкой сверху, которая точно подхлестывая, приводила его во вращение. Сине-фиолетовая поверхность сейчас словно выплыла из вращения этого предмета и расширилась до нескончаемых пределов, оные даже мое зрение, пожалуй, имеющее круговой обзор, не могло охватить, приметить какую-либо его законченность. Космос буро-белесыми вспученностями густого пара (формируя и тут ровно возвышенности горных круч) закручивался вокруг меня, точнее моего перламутрово-серебристого сознания, сохранившего форму тела и, как мне думалось, лица. Хотя находясь в этом состоянии, я не мог наблюдать своего отражения, неважно в воде ли, зеркале, стекле или иных предметах. Посему мне оставалось только предполагать, и так как я видел, также думал, что сохраняю подобие лица.

Легкие курящиеся пары на вершинах побелевших космических горных хребтов, чьи неровные с множеством угловатых бугорков, изгибов и вмятин бока плотно усыпали россыпи белых, розовых небесных светил, порой создавали сжатые светящиеся стайки. Белые пики вершин и вовсе словно покачивали на себе зеленоватую сквозную хмарь так, что если бы не голубые полосы в которые переходили, где-то на удалении, бурые склоны, можно было подумать, что я и впрямь все еще на Земле, коя зачем-то сменила расцветку своих пейзажей. Однако движение или все же полет в космическом мироздании, где я точно со всех сторон наблюдал его виды, и, как мне казалось, при желании, мог пальцем дотронуться до ближайшей перемигивающейся звезды, длился недолго. И также враз завершился, моим резким падением вправо, осознанно (как я уже знал) в сторону ближайшей к Солнечной системе, системе корейдиров Паньгу и их центральной планете Невель.

Тут стала просматриваться почти синяя поверхность космоса, где мгновенно сжавшиеся ее границы все еще были удаленными, а в самом центре моего падения горели две яркие, почти красные массивные звезды. Вокруг них и, опять же, не близко двигалось не только множество планет, небесных тел, но и поместилась красная с тусклым светом небольшая третья звезда. Замершие на месте, в отличие от моего полета, планеты (из которых лишь три были обитаемы) не только поражали многообразием цветов, но и размерами, формами. Впрочем, я стремился к Невель, что проходила по пятой орбите, относительно центральной звезды Паньги, и соседствовала с подобной планетой Свапуце. Невель окруженная заметными дымчатыми кольцами, с вращающимися по их орбите небольшими спутниками, тремя сравнительно круглыми, и пятью бесформенными каменными глыбами, ярко светящимися в газовой-пылевой среде. Голубо-зеленая с легкими серым оттенком, словно врывающихся в белые туманные пары атмосферы пиками гор, Невель, всяк раз неукротимо перехватывала мой полет, не давая возможности мне попасть на Свапуце, которая будучи жилой и ее точной копией, неодолимо меня влекла.

Но, увы! в своих путешествиях выбор делал не я, а, пожалуй, что Невель.

Вот и в этот раз мой полет прервался резким рывком в направлении Невель, куда я понесся с огромной скоростью, не просто захлебываясь туманными сгустками рвущейся атмосферы, а ощущая их леденящее состояние на собственном лице, и, кажется, что в полуприкрытых дополнительными веками глазах. Впрочем, порывы ветра не обжигали мое туловище, руки и ноги, всего только ударялись, ровно снижая по мере приближения самой планеты мою скорость. В этот раз, однако, я несколько раз перевернулся через голову, и спина моя от сих рывков или соударения с порывами ветра стала болеть, как раз в том месте, куда в меня на Земле вошла стрела. А подо мной внезапно очень ярко начерталась местность, окруженная горными

грядями по окоему, внутри которой наблюдались желто-пурпурные кроны деревьев, голубой нитью изгибающаяся река, и почти янтарная почва, поросшая мелкой травой.

Видимо от этой боли я потерял на чуть-чуть ориентацию в пространстве и вместо положенного в таких случаях приземления на ноги, врезался в золотисто-желтую мягкую траву прямо лицом и пузом. От такой неприятной посадки я сделал очередной переворот через голову, и, улегшись на спину, воззрившись в серо-сизое небо Невель, где по правую от меня сторону нарисовались дымчатые крапинки (шары обозначавшихся спутников), а слева, вроде подпирая планету по линии небозема с рыхлыми окраинами тулился большущий диск желтой Паньги, слегка опирающийся на менее крупный и более тусклый бледновато-желтый второй звезды Полисты.

И то, как благо, что в результате перемещений и полетов понятия удара от падения я не испытывал. Потому, когда в спине у меня боль не уменьшилась, а вспять точно увеличилась, медленно поднявшись, сел. И слегка пошевелил плечами, и спиной, ощущая всю ту же нестерпимую боль в районе спины, справа и под лопаткой... Точнее того места, где у людей имелась лопатка. Ибо в моем случае, неважно находился ли я в своем теле, или в сознание, той самой выступающей у меня лопатки, позвоночника, ребер не прощупывалось. Посему в названиях я полагался на полученные, у коредейвов, знания о человеке.

Проще толкуя, сейчас болело у меня, то самое место, что пронзила на теле стрела. Я уже давно заметил, что покидая тело, непременно, переносил и на сознание те или иные свои боли. Так, точно все же был двойственен, и возможно, как предположение не обладал мозгом... Вряд ли телом или сознанием, которое мог наблюдать. И то хорошо, что сейчас и в целом на Невель не плевался своей дурной кровью.

Кисловатый запах наполнил мой нос, он кружил возле меня, словно я потревожил своим падением мелкие колоски янтарной травы, покрывающей эту небольшую и сравнительно выровненную поляну, по окоему поросшую деревьями. Не высокие, и будто не имеющие привычной для Земли кроны, широкие стволы этих деревьев на несколько раз изогнулись по кругу, вытягиваясь вверх так, что со стороны они напоминали плетение веревки. Их опущенные и также перекрученные ветви лишь местами покрывала листва и та жесткая, лоптасто-расширенная. И если в цвете листвы наблюдался желтый, шафрановый и янтарный оттенок, то стволы и ветви окрасились в пурпурные, темно-бордовые, фиолетовые тона. Сама кора была в теплое время года зелено-синей, но в прохладное, дождливое сбрасывала с себя первый слой, оголяя те самые яркие красные оттенки. Потому, когда на почву ложились бело-голубые снега, эта долина, завершающаяся небольшими, одноэтажными постройками, где жили в основном молодые коредейвы, обучающиеся двумя-тремя почасту меняющимися взрослыми, становилась удивительно красивой.

Климат в сей части Невель, где я в основном и бывал, точно меня нарочно планета закидывала сюда для обучения, имел резкие температурные перепады. Здесь дули сильные ветра, слетающие с высившихся по окоему горных гряд, чьи пики упирались в серо-сизый и всегда такой неприглядный небосвод. Впрочем, хоть порывы их ощущались мощными, и, кажется, не стихали на протяжении всего кругооборота лета, они не были холодными, а в теплое время и вовсе приносили прохладу. Это когда звезда Паньга и Полиста не покидали небо даже ночью.

Только сейчас на Невеле наступила ранняя осень, поелику к кисловатому запаху который истончала трава, колосовой плод оной сразу выглядывал из почвы, не имея и малой соломинки, примешивался горьковато-сладкий аромат цветущих деревьев. Ибо они, одеваясь в свои летние тона, начинали выделять те приятные запахи. А мощный гул поющих, свистящих, жужжащих птиц, насекомых наполнял пространство долины, делая Невель не просто обитаемой, а создавая на ней полноценную, бурную, яркую жизнь.

Находясь в путешествиях, я не только мог чувствовать запахи, слышать звуки, но и ощущать не утихающий во мне голод.

Даже если перед путешествием основательно поел. Ибо в жизни своей я еще никогда не был сыт, а чувство опустошающего голода, боли в животе казались моими вечными спутниками. Да только в путешествиях чувство голода столь усиливалось во мне, посему я старался не посещать постройки коредейвов, где они могли кушать, обучаясь в основном на этой полянке и многих других, подобных, раскиданных в сей долине. Так как только я попадал в долину и на Невель, мог перемещаться по ней уже по своему усмотрению, обаче также внезапно, и не подвластно мне в какой-то момент времени, убирался с нее. Моего явления на Невель коредейвы не примечали, ступая по траве, я словно парил над ней, касаясь ветвей, листьев, стволов, не мог их потревожить, хотя и ощущал их живое тепло, легкое колыхание и даже касание о мои пальцы, ладонь, подошвы стоп.

Вот и сейчас стоило мне сесть и принять боль в спине, как к гулу, кой издавали птицы и насекомые прибавился говор. Я резко оглянулся и увидел позади себя, шагах в десяти не больше, стоящего коредейва. Точнее даже юношу если судить по тем с кем из них мне удалось встретиться.

Это было высокое создания, намного выше меня, ибо я в понимании родни всегда являлся неестественно длинным и тощим. Коредейв также смотрелся худым с узкими плечами, выпуклой спиной и длинной, тонкой шеей, слегка наклоненной вперед, а потому и выставленной напоказ, овально-вытянутую в затылочной доли и узкую в передней части, голову. Сама голова, начиная от висков, придавала лицу форму треугольника, чуть расширенную в районе скул, завершающуюся угловато-острым подбородком, и тут выставленным вверх. Немного наклоненная назад затылочной частью, голова венчалась небольшим выпуклым круглым шишаком, переливающимся желтоватым светом, находящимся в районе лба, на самом деле каким-то камнем. Вероятнее всего данный камень указывал на статус или определял возраст его носящего, ибо менялся, начиная от белого да красного. На лице, голове юноши, как и у меня не наблюдалось волосяной растительности: бороды ли, усов ли, волос, бровей, ресниц, не имелось и привычных даже мне ушей, носа, на месте которого располагались три продольные щели, с едва приподнимающимися и шевелящимися розовыми краями, под которыми находились выступающие коричневые большие губы. Зеленые навкате и тут круглые глаза (ровно у водившихся на Земле рыб) не имели белка и зрачка. А одет он был в легкий, желтый, длинный и широкий хилай (как они величали сию одежду), без рукавов, потому демонстрирующий оголенные его руки. Цвет кожи тела коредейва менялся от коричневого на плечах и макушке до темно-зеленого на запястьях и лице, с белыми линиями в районе локтей, носа и щек. Он стоял босой, поглядывая вдаль, сложив руки на груди, и, слегка постукивал четырьмя пальцами, по поверхности кожи, точно волнуясь.

Четыре пальца, сравнительно высокий рост, наличие диэнцефалона и как итог каких-либо способностей, все это указывало на высокоразвитые расы, к которым относили себя коредейвы. Относительно их способностей я толком так и не понял, чем они обладали, но судя по редкой их демонстрации, данная раса, умела или только воспитывала в своих собратьях способность перемещать предметы по твердой способности при помощи мысли, то есть, не прилагая физических усилий.

Впрочем, сейчас коредейв явственно был занят чем-то иным. Порой, сходя с места, делая по земле несколько шагов вперед и тотчас возвращаясь назад, он словно через сомкнутые губы (нервно подергивая их уголками) цедил отдельные звуки, не все на перундыговском языке, иногда на своем родном, который я не знал, так как никогда не стремился его выучить. Да и коль говорить откровенно не мог, ибо на Невель обучение велось в основном на перундыговском языке, так сказать на языке межрасового общения Веж-Аруджана.

– И долго... долго мне тут стоять, – произнес коредейв и вновь шагнул вперед остановился, но лишь затем, чтобы добавить уже мало понятно, – вледи блино. Ю дал и унерхав ун. Сей миг уйду.

Он теперь и вовсе рывком скинул руки вниз, и срыву сойдя с места, широким шагом направился мимо меня в сторону деревьев, живописуя всем своим видом такое недовольство, словно его перед этим заставили воровать у собственных родственников остатки, высохшего до состояния коричневой глины, мяса. И меня прям пробрало...

Я вообще редко гневался, так как знал, что сие может закончиться всплеском активности моих способностей, тех которые особенно боялся. Но сейчас, да еще и будучи сознанием, позволил себе испытать это приступ бешенства. Ибо его недовольство в явно наблюдаемой сытости, ухоженности, чистоте казалось вызовом моей одинокости, ненужности, вечной нужде и горести, а теперь еще и боли, вызванной желанием сродников убить, добить меня.

Посему резко вскочив на ноги, я погнался вслед коредейва, а нагнав почти возле дерева, высоко выпрыгнув вверх, что есть силы шибанул кулаком ему по голове, стараясь, так-таки, дотянуться до венчающего его лоб переливающегося желтоватым светом камня, указывающего на особый статус или возраст. Впрочем, как можно понять, хоть мой удар и достиг юношу и пришелся ему по слегка наклоненной назад затылочной части головы, никакого вреда не принес, в отличие от меня. Так как от сей беготни, да еще и рывка, прыжка вверх, в спине проскочила такая колющая, жгучая боль, и точно что-то тягостно хрустнуло. Посему я не смог приземлиться на ноги, а плашмя рухнул на живот и лицо, вновь утонув в золотисто-желтых колосках трав, громко застонав, а миг спустя услышал вопрос:

– Как вы тут оказались? – будто направленный вдогон к уже затерявшемуся между деревьев коредейву.

Бешенство мое сразу прошло, стоило мне только испытать боль, и точно излилось в кислотовато-пахнущую и теребящую мое лицо траву. В которую я от обиды, испытанного, хотел выплеснуть поток слез, да только слезы у меня если и текли лишь из привычных глаз. Будучи же сознание я мог всего-навсего тягостно дрожать всей своей кристаллической поверхностью. И составляющее перламутрово-серебристое плотное вещество моего сознания, ощущимо завибрировало, сбавляя пережитую боль и гнев, вновь возвращая привычную для меня ровность поведения, лишённую, как таковой ярости или зависти.

– Доброго времени суток, вы меня видите? – слышимо прозвучало прямо надо мной и я, переместившись, сел, да тотчас поднял голову, с удивлением обнаружив стоящего напротив меня, касающегося головой одной из ветви дерева мужчину. И это создание было точно не коредейв, и не человек.

Определенно, высокий, таким, какими выглядели взрослые коредейвы, чью расу, как и многие другие, составляло только мужское население, этот мужчина смотрелся очень толстым. Таких толстых я никогда ни видел... даже у коредейвов, не говоря уже о людях. Впрочем, обратившееся ко мне создание имело приятную для взора полноту, с мягкими, округлыми формами рук, ног, удлиненной кверху головой, лица, чуть подпирающего короткую шею широкой складкой второго подбородка. Нежно-голубая кожа мужчины слегка переливалась (точно он ее натер), а на каплевидном лице с прямым маленьким носиком, два крупных глаза, окутанных прилежшими густыми ресничками, залегали под выступающими надбровными дугами, не вдоль, а поперек, потому верхние их уголки словно рассекали тонкие, изогнутые брови напополам. Впрочем, внутри они выглядели на первый взгляд обыденно, ибо в синей радужке просматривались белые крохи зрачков. Большими, толстыми были светло-красные губы создания, а начиная от корней волос на лбу, прямой линией вниз начерталась черная полоса, вроде разграничившая правую и левую сторону его лица. Она спускалась по лбу, проходила как раз на стыке между бровями, по спинке носа и вновь делила на части губы, и низкий, маленький подбородок, являясь не нанесенной, а естественной. Густые, черные, вьющиеся волосы лежали у него на плечах, чьи кончики венчали маленькие переливающиеся камушки. Он и вообще был весь украшен серебристыми широкими изогнутыми запястьями, кои поместились на его оголенных плечах, локтях, густо покрытые разноцветными (и, как я понимал) драгоценными

камнями. Его пальцы по четыре на каждой руке, где явно отсутствовал безымянный, а большой перст, самый длинный, выходил почти из верхней конечности запястья (точно из костей предплечья) завершаясь на одной линии с остальными, наверно являясь отдельным органом движения, также были украшены кольцами. По три золотистых кольца висели и в мочках его небольших и плотно прижатых к голове ушей, едва прикрытых прядями волос, и еще одно поместилось у него в правой ноздре, где переливался большой белый камень так, ровно это создание любило одеваться, украшать себя и вообще...

Любило себя...

Одет он был в длинное до лодыжек голубое, в тон коже, одеяние, без рукавов и ворота. Подол, которого, округлый вырез на груди и проймы рукавов украшала серебристая тесьма и тут усыпанная мельчайшим просом переливающихся камней. Он в отличие от коредейвов был обут. Подошвы его стоп опирались на тонкую синюю платформу, оплетающие голень тонкими, точно нити, ремешками, словно спутанными с подобными запястьями браслетов на ногах.

Я какое-то время, молча, смотрел на него, примечая, что, несмотря на четкость его фигуры, объемности и красочности украшений, его нежно-голубая кожа не просто переливается, а кажется полупрозрачной. Поелику стоит мне протянуть руку, и я не смогу коснуться его фигуры пальцем. Я даже захотел было проверить свою догадку, как он внезапно вновь заговорил. И заговорил однозначно со мной, с интересом разглядывая мое лицо и не сводя с меня взгляда, ровно боясь потерять:

– Теперь ясно, кого улавливали даха-даятеситы коредейвов... Странно, что не могли в точности проявить. Как вас звать?

– Это ты мне говоришь? – все-таки, переспросил я, будучи до конца в том не уверенным. Ибо после смерти родителей со мной никто не разговаривал... Никто кроме меня самого.

– Да, вам... Я говорю вам... Только не могу понять вы гиалоплазматическое создание или вы создание Веж-Аруджана, – сказал он так, ровно и не спрашивал меня, а советовался сам с собой, как то почасту делал я. И если честно таким рассуждением ввел меня в молчаливое оцепенение, вроде стараясь задеть моим уродством.

– Я человек, – даже не собираясь скрывать собственного огорчения, отозвался я, и отвел взгляд от его лица, а потом все же дополнил, – разве не видно, что я человек... Коего в вашем Веж-Аруджане относят к малоразвитым расам, проще толкуя ко всякой ничтожности. И живу я в Солнечной системе на планете Земля в горах, их раньше называли Земным Поясом.

Я это сказал так, чтобы показаться хотя бы перед ним не таким уродом, каким меня считали родственники, и полагал в самом себе я сам... Желая, ну, самую толику, ему понравится, что ли... Или вроде того. Толкуя о Земном Поясе, я говорил не наверняка, просто мне казалось я когда-то или, где-то слышал сие название и почему-то относил его только к тому месту, где жил сам.

– Не может быть, что вы человек... Уж не взыщите за сию мою прямоту, або то не в мощи человечества, – проронил он, да понизил голос и без того мелодичный, низкий, больше бы подошедший женщине. – Иметь сии способности, даятеситя, и перемещаться сознанием в пределах Веж-Аруджана. Данные способности принадлежат лишь гиалоплазматическим и вежаруджановским созданиям и определенным существам. Да малоразвитым расам, обаче не людским видам, а именно существам. Тем паче вы толковали, что живете в Солнечной системе. Сие в какой части, кой Галактики? – снова задал мужчина вопрос и тем стал меня волновать сильнее, так как я не знал, где находится моя система, и в целом казался сам себе таким ущербным, ровно отвечал не впопад и всякую глупость, в которой тот меня подлавливал, как в случае с воровством. Однако желание говорить было сильнее моих страхов, уродств и ущербности, которую я в себе нес, посему я немедля ответил:

– Солнечная система находится в Галактике Вышень, об том рассказывали ваши корейвы. Это ближайшая система к системе Паньга и планете Невель на которой мы сейчас находимся. Мою планету корейвы хоть и называют Землей, самих людей проживающих там все чаще величают солнечниками. Хотя там людей живет сейчас мало...

– Не может быть, – вновь повторил мужчина тем, начиная меня раздражать, так, что я, вернув на него взгляд, попытался им его обжечь. Уж не знаю, получилось ли у меня данное действие, но его внезапно вроде мотнуло вперед-назад, и, в преломление желтых лучей, занимающей небосвод Паньги, стала видна прозрачность самой его фигуры, точно всего только отраженной лучами звезды.

– Ты тоже сознание? – спросил я и увидел легкий кивок его головы, вроде поленившейся даже мне ответить, лишь подтверждая мои предположения.

– Сие удивительно... удивительно и токмо, – он сразу заговорил как-то по-другому, восторженно и его большие, толстые, светло-красные губы широко раздались в улыбке. – Вы родились в Солнечной системе, быть может, вы есть часть ассаруа, кто ведает... Сие быть может какой просчет, ошибка али чудо. Обаче, вы давно обладаете способностями даятеситя, давно посещаете Невель? – теперь он явно задал мне вопрос, потому как часть его речи звучала точно каким-то взбудораженным фоном. Я было, даже собрался ответить, как неожиданно резкая, жгучая боль пробилась мне спину насквозь и точно выскочила через грудь. Отчего я громко закричал, прижал к груди ладони и повалился на левый бок. Внезапно ощутив, что не могу дышать... задыхаюсь, и, пожалуй, впервые за время своих путешествий, осознавая, что дышу, не только волнуюсь, сознанием.

– Что случилось с вами? – прозвучал с ощутимым беспокойством голос мужчины и мне так захотелось узнать его имя, чтобы в конце своей жизни, которая вот-вот завершится вспомнить того последнего с кем я так долго разговаривал. – Меня зовут Ларса-Уту, я прабха планеты Пятнистый Острожок, системы Медуница, Галактики Сварга, – внезапно отозвался он, отвечая на мой вопрос так, что я понял, свои пожелания, даже не заметив, высказал вслух.

– А меня зовут Истом, – кряхтя от боли и все еще прижимая к груди ладони, отозвался я, ощущая как боль теперь сконцентрировалась под правой лопаткой и стала рывками пульсировать. – Хотя я не люблю это имя... Но меня все равно никто так не зовет, ибо я живу один. Родители мои умерли, а сродники выгнали, потому что я урод... И вообще, я скоро умру так, как убегаю от них, был ранен в спину. И боль эту чувствую аж и теперь.

Ларса-Уту сейчас шагнул ко мне ближе и опустился на присядки, хотя с его параметрами фигуры, даже будучи сознанием, сие было сложновато сделать. Потому он наблюдаемо для меня вроде как качнулся, а потом подо мной также ощутимо завибрировала сама почва.

– Послушайте меня внимательно, Истом, – очень нежно произнес прабху и рука его, качнувшись в мою сторону, ощутимо легла на голову, ровно огладив. Посему я почувствовал тепло исходящее от нее, вроде это вернулась моя мать, единственно любящее меня существо. – Сейчас вы должны вернуться к своему телу и попытаться продержаться, – продолжил он, – попытаться выжить, даже вопреки вашей боли и полученной раны. Отлежитесь в своем жилище...

– Норе, – хмыкнув, перебил я его и опять застонал от боли в спине, словно рвущей там, что-то по всей ее поверхности и ощутимо расходящейся во все стороны. – У меня нет жилища, я живу в пещере на горном склоне, в глубокой, узкой норе... – дополнил я, и, в голосе моем прозвучало огорчение. Осмысление того, что я, наконец-то, встретил кого-то хорошего, да только, слишком, поздно. – И я не умею уходить... приходиться... это происходит не независимо от моего желания, – досказал я и закрыл глаза, словно погасив в них яркость, оставив там лишь тьму.

– Я пришло к вам помощь, в мале... в мале. Вы только продержитесь, сие время, даракаш, – все с той же нежной мелодичностью сказал Ларса-Уту, будто лаская меня последним словом...

Да только это было последнее, что я смог услышать, воспринять, оно как в следующее мгновение темное пространство перед моими глазами пошло зябью, и меня в нем качнуло, а после и вовсе срыву бросило.

Глава четвертая

Я закашлял, сразу шевельнув руками, ногами, повернув голову, не успев толком понять, где нахожусь или ощутить собственное тело. И тотчас во рту у меня на смену кислотовому запаху травы планеты Невель пришел кровавый привкус, испытываемый мною на Земле, а из разошедшихся в разные стороны губы на черно-бурую почву, покрытую мелкой, гладкой галькой, плеснулся кроваво-серебристый плевок. Он почитай толком, не оторвался от моего длинного, узкого языка, расщепленного на кончике, да так, и, повис, едва покачиваясь, касаясь ближайшего окатыша собственной округлой верхушкой. Одначе от сего покачивания немного погодя, сорвался с моей нижней губы, перетек вниз, и, плюхнувшись на камешек, замер на нем, продолжив поблескивать своими красно-серебристыми переливами.

После путешествия я приходил в себя не сразу, какое-то время не в силах почувствовать собственное тело. Впрочем, данное состояние длилось не так долго, и, уже вмаля я вновь мог совладать с собственным земным телом, сначала поднявшись и сев, после, коль то было необходимым, убежать.

Относительно времени нахождения на Невель и отсутствия на Земле... Мне всегда казалось, что на обеих планетах оно течет по разному, ибо пробыв на Невель, как мне казалось не более часа, двух, я возвращался на Землю, когда там уже ночь сменяла день.

Я знал, что в системе Паньгу четыреста пятьдесят восемь суток составляют лето, а в сутках в свой черед двадцать восемь часов, кои делились на минуты, секунды и более мелкие части времени. Но мне не то, чтобы лень, просто было некогда соотносить сие время с планетой Земля, абы там, в отличие от Невель, целью моей оставалось простое выживание.

По этой причине и сейчас я не сразу понял, какое время отсутствовал, где нахожусь... Однако мгновенно осмыслил, что уже вернулся на Землю. Поелику, не мешкая, закрыл пускающий кровавую слюну рот, дабы не выплескивать и далее, то самое, что могло навредить в целом живым созданиям планеты.

Да только вопреки моим прежним возвращениям в этот раз я почему-то совсем не чувствовал собственные ноги, и спину, вроде их оторвали. И если в районе спины онемение постепенно отступало под жгучей, дергающей болью, то нижние мои конечности самоочевидно даже не пытались дать о себе знать. Хотя я и пытался ими шевельнуть.

Такое чувство... словно меня наполовину укоротили было впервые со мной. Посему я уперся саднящими от боли ладонями в землю и совсем немножко приподняв верхнюю часть тела и голову, оглянулся. И тотчас позади себя увидел узкое отверстие, через которое проник голубовато-серый свет, а сама земля наблюдалась присыпанной легчайшим белым пушком выпавшего снега, слегка нагнавшего и мои вытянутые ноги.

Боль сейчас, когда я вот так приподнялся на руках, окатила мою спину, ударила в правое плечо и даже нижнюю челюсть, а потом плеснулась в ранее не чувствительные ноги, выскочив, словно из пяток. И тотчас меня пробил пот, обильный и точно горячий, так что стало жарко, душно, невозможно вздохнуть и выдохнуть. А режущие, или, скорее всего, рвущие, что-то внутри всей поверхности спины боли и жгуче-стреляющие в обеих ногах подтолкнули меня к действию. Посему я резко поднялся на ноги, чего никогда не делал после возвращения, давая всегда себе возможность отлежаться, и срыву шагнул вперед. Понимая, что если сейчас не дойду до своей норы, не смогу сделать это спустя время.

Мне, впрочем, пришлось пригнуть голову, согнуть спину, дабы не напороться на низкий потолок пещеры. Ибо по ее размерам, вряд ли можно было толковать о чем-то большом, лишь об узкой и сжатой щели, не более того. Ноги, однако, при каждом шаге ощутимо были не моими. Одеревеневшие, утратившие гибкость, а посему я и не шел, а будто наталкивался на них при каждом шаге. Очень сильно стала болеть голова, а шум, в ней, усилившись, стал

перемешиваться с удаленной каплей воды, сочившейся с потолка. Столпообразные наросты, натекшие с потолка, вначале пещеры постепенно сходились с теми, что поднимались с пола, местами образуя большущие глыбы камня, похожие, на наставленные внутри бревна, меж которыми стало сложно пройти. Каменный пол тут был покрыт множеством более низких и толстых в основании каменных образований, будучи достаточно гладким с коричневатым отливом. Я порой любовался этими удивительными образованиями, не всегда свисающих в виде конусов, труб, порой формирующих утолщения и всевозможные наросты.

Обаче сейчас думал только о том, как бы поскорей добраться до своей норы, переступая по достаточно влажному полу, придерживаясь за отдельные столбы. Я шел наверняка, ибо не просто в четкости помнил все столбы, рисунки на них, неровности, но и прекрасно видел, хотя для всех иных людей, тут стлалась тьма.

И в этом я был также убежден.

Так как некие из моих сродников, в свой срок, пытаясь меня догнать, всяк раз, загоняя в пещеру, вмаля оставляли данные попытки, стоило им только пройти по ней пару-тройку шагов.

В норе, как и в целом в пещере, не только возле стен, таких же неровных, бледно-бурого цвета и вроде пупырчатых по всей протяженности, но и около пола, потолка курился густоватый пар, а сам волглый воздух, ощущался тяжелым. Поелику сродники мигом начинали громко кашлять и задыхаться. Я же только переставал дышать носом, широко открывая рот и делая более частые вздохи, и выдохи, с легкостью справлялся с той тяжестью воздуха. Я и сейчас открыл рот, только не смог сделать и пары резких вздохов, как тягостно закашлял, и тотчас мне на губы плеснулась кровь. И острая прерывистая боль обожгла спину, грудь и словно ударила в голову так, что от слабости я остановился и на чуточку, ровно потерял ориентир в пространстве. Легкий кровавый туман застлал мне глаза, и тотчас явилось понимание, что мне, пожалуй, стоит поторопиться, чтобы дойти до норы.

Я вновь сошел с места, еще ниже пригнул голову, выплевывая изо рта сгустки крови, видя все в тумане и продолжая настырно идти. Потолок с каждым моим шагом становился ниже, а каменные столбы смыкали и самую малость прохода, вскоре, как я об этом знал, завершаясь натечной, ровной стеной. Я впрочем, протиснувшись через два плотно придвинувшихся друг к другу образования, шагнул влево, и, немедля, присел на корточки, вновь тягостно качнувшись вперед-назад, и теперь уже протянув руку, уперся в саму стену. Точнее даже в нависающую неровную, ступенчатую кромку над круглой дырой, вход в которую можно было осуществить, лишь опустившись на карачки.

Я еще немного посидел, стараясь прочистить наблюдение для глаз от плывущей дымчато-сти, будто истончаемой моими глазами, а после опустился на четвереньки, и, вновь пригнув голову, полез вперед.

Эту пещеру мне в свое время показала мама... Мы часто сюда приходили, уж я и не знаю, что ее сюда тянуло, и что она хотела тут найти, сие она мне не пояснила. Но всякий раз мама останавливалась в ее проходе, просила меня осмотреть саму пещеру, очевидно, зная, что я хорошо вижу во тьме. Позднее я, как-то уходя от погони, нашел в ней этот узкий проход, который заканчивался округлой норой, низкой, но притом вельми широкой. В этой норе было всегда тепло, зимой ли, летом ли... Словно в ней поддерживалась определенная температура изнутри.

Вот и сейчас миновав на четвереньках узкий лаз, я очутился в своей норе, и, сразу взяв немного влево, повалился на лежанку, сооруженную из нескольких шкур. Упав сразу на грудь и прижавшись лицом к горьковато-смордной козлиной шкуре, не выделанной, а украденной мною у родни совершенно недавно, и все еще хранящей запах животного ее носившего. Глаза мои тотчас сомкнулись, а боль в спине, прямо-таки, вывернула мне шею, слегка даже загнув

направо и голову так, что до этого тьма с какими-то яркими, цветными пятнами, превратилась в плотную черноту.

Наверно, я потерял ориентацию, лишился чувств, ибо, когда пришел в себя почувствовал онемение в груди и словно руках. Потому медленно принялся переворачиваться на левый бок, помогая себе правой ладонью, и слегка опираясь на левый локоть, ощущая жжение по всей ее поверхности и резкую боль пронизывающую спину то слева, то справа, а после ударяющуюся в ноги, руки, шею и даже голову. Ощущение холода в пальцах на руках и ладонях, слабость, сильный голод, и мощный жар, точно пылающий в груди, все указывало на то, что продержаться долго я не смогу... Я вдруг вспомнил встреченного мною на Невель Ларса-Уту, прабу планеты Пятнистый Острожок, системы Медуница, Галактики Сварга. Я увидел его каплевидное лицо (видимо сознание в точности сохраняло черты тела) с прямым маленьким носиком, двумя крупными синими глазами, непонятно так залегающими не вдоль надбровных дуг, а поперек, большими, толстыми светло-красными губами и черной полосой расчертившей его голубую кожу. И вспомнил его последние слова... последние слова, сказанные мне перед смертью:

– Я пришло к вам помощь, в мале... в мале. Вы только продержитесь, сие время, даракаш...

Сие время... Какое время я могу продержаться, да и зачем? Кто и как, сможет сыскать меня под землей, в норе, в каких-то горах явственно огромной по своим размерам и все пока живой планеты Земля.

– Нет смысла бороться, – негромко сказал я... оно, как ощущая слабость и постоянную боль, боялся говорить громче, и тем ее усугублять. – Стараться выжить, продержаться, поелику ты, Ларса-Уту, меня не найдешь. Не сумеешь помочь... Если бы раньше я встретил тебе. Я мог бы продержаться, а теперь... Одни мучения...

Не знаю, было ли что-либо после смерти...

Остается ли после гибели тела, что-либо касаясь тебя, такое как сознание...

Я этого не знал.

Впрочем, сейчас мне очень захотелось, чтобы после смерти тела, осталось мое сознание, которое отправилось на планету Пятнистый Острожок, системы Медуница, Галактики Сварга и увидело прабу Ларса-Уту, к коему я внезапно так проникся чувством тепла.

Теперь я замер на левом боку, все еще поддерживая себя правой ладонью и точно оперев в подстилку левый локоть, когда меня внезапно качнуло... Качнуло сперва вперед, потом назад и я, так-таки, не удержавшись свалился на спину. Острая, невыносимая боль точно меня вновь пронзили стрелой, ударила не только в районе воткнутого дротика, под лопаткой, но и ниже, отчего я закричал. А в глазах у меня, кажется, мигнули зараз все виденные мною когда-либо звезды, и, я опять лишился чувств.

Глава пятая

В этот раз, открыв глаза, я увидел слегка закругленный и тут с желтоватым, как и стены, отливом потолок, и сразу понял, что лежу на спине. Потому как совсем ее не чувствовал, теперь горело все мое тело, и особенно руки, ноги. Я даже не решился чем-либо двинуть, ибо у меня не было сил и желания, словно из моего тела их напрочь высосали, оставив лишь твердую, высохшую и уже не нужную оболочку. Сейчас особенно сильно воспринималась налитая и ставшая твердой, как корка, шкура, что облегла мою спину, видимо, после того как я упал на нее, из раны вновь потекла кровь. Губы, были покрыты той же коркой, впрочем, ее вкус ощущался горьковатым. Но самым непонятным оставалось то, что впервые в норе я дышал не ртом... и, пожалуй, что не носом... А вроде как саднящими ладонями... Или это мне просто так казалось.

Внезапно нора опять ощутимо вздрогнула, слегка качнув мое тело на полу. Но в этот раз не так сильно, не больно для меня, а миг спустя закругленная часть потолка почти в самой середине наблюдаемо качнувшись вниз, проложила по своей поверхности множество тончайших трещин, вроде как выскочивших из единого центра. Еще не более моего вздоха, который я теперь осознанно сделал носом, и из того центра в потолке выбился, упав вниз, тонкий луч бело-желтого света, словно дневного, пущенного в мою нору заглянувшим солнцем. Конец луча упал прицельно на пол и вроде растекся по нему тончайшей, белой дымкой, дотянувшись, кажется, и до меня, одновременно, сформировав такую же дымку, только желтоватого света на потолке.

Нора моя вновь сотряслась, еще нежнее, легче колыхнув меня на полу, а на потолке под желтоватой дымкой тонкие трещины стали превращаться в широкие разрывы. Стены пещеры не просто сотряслись, а ровно застонали, и вслед того послышался свист сопровождаемый каким-то скрипучим звуком. И тот же миг с потолка вниз стали осыпаться, откалываясь от разрывов, отдельные куски породы, мельчайший песок, да только они не успели толком упасть на пол (всего только надавили на желтоватую дымку света), как сразу принялись вращаться по кругу, захватывая в свой вихрь все больше и больше распадающегося на части потолка. Вместе с тем вращением куски породы сталкивались между собой и точно уменьшались в размерах, созерцаемо для меня превращаясь в мельчайший окатыш, а то и песок. Вскоре, который также заметно стал уноситься в расширившийся разрыв, в свой черед, пустивший ко мне в нору бело-желтый густой поток света. Степенно снимающийся верхний слой, вероятно, улетал наружу, ибо также видимо для меня сам потолок вроде, как принялся, непрерывно трескаясь, удаляться от меня.

Звенящий свист, сопровождаемый несильным скрежетом, хрустом, вmale сменился на легкую вибрацию. А желтоватая дымка, опять же медленно приподнимающаяся надо мной и словно удаляющая сам потолок норы, вскоре подперла верхний, наклонный склон горы, сменившись на плоское днище какого-то устройства с округлой воронкой в самом центре и режущей кромкой по ее грани, очень быстро вращающегося и с тем втягивающего в себя разбитую породу. Воронка еще немного поблескивала своими серебристыми боками, а после сделала спиралевидный виток и точно растворилась, или только вошла в более растянутое синеватое днище нового устройства, а может и космического судна, кои я порой видел в системе Паньгу. Оставив для меня в наблюдение лишь льющийся желтоватый поток света и белый, плывущий по полу моей норы. И тотчас на меня дыхнуло свежим воздухом, с легким морозцем, мгновенно скрипнувшим на моих губах легкой поземкой, метущего где-то снега.

Еще пара глубоких вздохов (которые я сделал точно носом) и из синеватого днища, не касаясь белого и желтого сияния, не перемешиваясь с ними, спустился узким потоком голубой свет, в чьем нежном сиянии я смог рассмотреть тончайшие чуть шевелящиеся воло-

конца, увенчанные на концах упругими, вогнутыми присосками. Едва переливающиеся те присоски дотянулись до меня, ощутимо приблизившись к поверхности тела, рук, ног и наблюдаемо зависли совсем близко над кожей лица. Посему я смог их хорошо разглядеть. На вроде вогнутых маленьких дисков, с чуть трепещущими краями, они внезапно выпустили мне прямо в лицо густой серый дым, который я срыву втянул носом. Притом ощутив легкое покалывание внутри ноздрей и мелкую вибрацию всего тела ровно меня слегка приподняли, качнув туда-сюда, так как это когда-то делала мама, дабы я уснул...

А может кто-то иной...

Не знаю даже почему, сейчас во мне возникло сие предположение... Впрочем, уже в следующее мгновение, когда серый дым растекался по поверхности лица, облизав кожу липким потоком, для меня смежилось наблюдение. И в дымчатости испарений передо мной неожиданно проявилась, словно сомкнутая со всех сторон оболочка, края которой едва трепетали (вроде кто-то часто-часто дышал). Густая, плотная жидкость, покачивающая мое тело, лишь с легким перламутровым отливом, была испещрена тончайшими волоконцами, паутинками, узелками, оные подобием только, что виденных присосок купно облепляли меня, и совсем чуть-чуть также колебалась, определенно, в такт с самими стенками оболочки... Травянисто нежный аромат заполнял мои ноздри, и я чувствовал теплоту, спокойствие и сытость.

Внезапно, ровно каким-то толчком, или даже биением, меня встряхнули, и тем резко прочистили наблюдение перед глазами. И я теперь осмысленно ощутил, что и впрямь плаваю в полупрозрачном и очень густом веществе, окутывающим меня со всех сторон, плещущимся надо мной вплоть до округлой крышки, словно сплетенной пауком паутины, где сквозь тонкое желтоватое витие просматривался сине-фиолетовый, сравнительно не высокий потолок, вряд ли небосвод. Из плотно сомкнутого носа и рта (который я не решился открыть) вылизали мягкие долгие жгутики, по коим в свой черед струился голубоватый дымок, ощутимо наполняющий мой рот, ноздри и будто опускающийся куда-то вглубь меня. Впрочем, сейчас, в отличие от ранее мною испытанного, вещество ощущалось прохладным, и я продолжал испытывать голод, как и продолжали, болеть мои ладони и спина, порой отдаваясь колкостью под правой лопаткой. Я, было, попытался шевельнуть руками, ногами, приподнять голову, но они мне не подчинялись, будучи обездвиженными. Или, все-таки, это я не до конца очнулся, пришел в себя, мне даже показалось, что продолжаю спать. Когда неожиданно, совсем близко от меня или даже надо мной, раздался осипший голос, слегка даже зашипевший, оный сказал:

– Покажите мне его.

– Ваша пресветлость, Этлиль-Ка, в том нет смысла, ибо субъект находится в состоянии глубокого сна, в биокоморе, – отозвался не много более удаленный и тихий голос, и я, прямо-таки, напряг собственные мозги, стараясь не заснуть, ибо перед моими глазами полупрозрачное вещество слегка качнулось, точно укачивая.

– Я же не прошу, нешто вы, двадцати, сие не уразумели, – вновь заговорил первый, как я понял имеющий имя Этлиль-Ка, и в его молви послышалось такое раздражение, сопровождаемое даже звуками гнева дрожащего голоса. Ровно этот первый привык, чтобы его слушали беспрекословно и сейчас ощутимо наполнился бешенством, от которого я, если бы мог, непременно, вздрогнул, а так всего только почувствовал, как в спине вновь струей боль ударила в район лопатки, одновременно, отрикошетив в бедро правой ноги.

– Я вам приказываю показать мне... – дополнил он и в его интонации к шипению добавилось рыканье, точно он рывкнул на второго, – да и потом... Не надобно величать чатра, субъектом, я о том также пояснял. Абы сие будет в мале мой воспитанник. Чатра обладает мощными способностями даятесия. Понеже мы с ним сможем противопоставить их сообща Ларса-Уту, позднее вступив в сотрудничество с гиалоплазматическими созданиями, воспротивившись политики амирнарха и обобщенно Веж-Аруджана.

Я услышал имя Ларса-Уту и если не улыбнулся, так как губы мои были плотно подогнаны к жгутику, то однозначно почувствовал к нему такое тепло, будто подумал о маме. Впрочем, едва отвлекшись на свои переживания, которое туманным бликом белого света проплыло перед моими глазами, сразу постарался взять себя в руки и вернуть чувства осмысления, в желании дослушать, о чем и о ком ведут разговор эти двое. Посему уже в следующий момент вновь услышал голос второго, определенно более тихого не из-за удаления ко мне, а из-за подачи его, сказавшего:

– Да, лучше пока не интенсифицировать сияние, – и я осознал, что все-таки какую-то часть разговора пропустил однозначно. – Абы не навредить. Условно вами, ваша пресветлость, Этлиль-Ка, выше сказанного, хочу пояснить, что чатра поколь нельзя забирать на планету Риньяку, лучшим будет содержать на спутнике Хияке, где у нас находится скит-гор. Ибо чатра удивительное творение, чью наследственную информацию мне не удалось определить, поелику она имеет около двухсот тысяч разных наборов генома в различных органах, кои в свой черед определяются и вовсе непонятным количеством отдельных информационных кодов. Я уж не толкую о том, что само строение его тела, необычно. Ибо внутри у чатра отсутствует ряд органов, костей скелета, мускулатуры, а жировая, соединительная масса в целом имеют особую структуру непонятного мне вещества, внутри довольно-таки рыхлой соединительной ткани с разветвленными бороздами и сосудами. Кровь же его и вовсе наполнена вирионами, оные могут быть опасны для живых существ и созданий. Непонятно даже является ли он их носителем, или может передавать... Во всяком случае, чатра с таким геномом, строением, да еще и кровью, она полна полноценными вирусными частицами, не может жить. Мне даже не удалось его излечить, ибо воткнувший в спину наконечник с частью древка стрелы, плотно переплелся с соединительной тканью и сосудами. Я побоялся ему навредить, абы не ведаю, что может произойти, вмешайся я в его тело.

– Он не человек? – вопросом отозвался Этлиль-Ка, и мне показалось, сине-фиолетовый и, как теперь я увидел слегка закругленный потолок, чуточку поалел.

– Определенно нет и даже не существо, по структурной сложности генома, полагаю, создание, – ответил второй, и вроде как хмыкнул, точно сам себе не поверил.

– Не может быть, – вновь набираясь гневливости, а потому начиная рыкать и шипеть, проронил Этлиль-Ка, – в Солнечной системе не может быть созданий, там вымирающая планета, где живут дикие человеческие племена. Откуда он там мог появиться, да и потом я долго за ним следил. Чатра приходил в систему Паньгу на планету Невель, явно обучаясь перундьяговскому языку у корейцов, слушая их пояснения об устройстве Веж-Аруджана. Я просто все никак не мог понять откуда он, но он явственно, будучи малоразвитой расой, почасту говорил сам с собой. Посему мне удалось выяснить откель он, как его звать и где живет. А посем ужоль богдыхай Багланбехзал со своими сподручниками разыскал его в Солнечной системе, ибо там почитай и не осталось людей. Обаче сознание чатра и впрямь несколько отлично от человеческих тел, сие мне было поразительно, но... может... всего-навсе...

Он смолк, так и не договорив, или все-таки задумавшись... И навеяв ощутимое волнение на меня так, что я окончательно пришел к выводу – эти двое говорят обо мне. Уроде, которого изгнала собственная родня, как нечто чужеродное... Коим я всегда и был, ощущая это, чувствуя, а днесь в том окончательно убеждаясь. Да, словно пропуская сказанное вторым о том, что возможно я являюсь созданием. Ибо этого никак не могло быть, ведь я знал, что мои родители те самые дикие люди.

– Вы, ваше пресветлость, вероятно, ведаете, что в Солнечной системе когда-то тарховичи и таусенцы проводили опыты над человеческими экземплярами, – очень тихо протянул второй. И, чтобы мне его услышать, пришлось вроде как напрячь слух, теперь ощутимо пошедший низким фоном, возможно из-за того, что и сами уши были плотно сомкнуты густым

веществом. – Быть может, сие, мы наблюдаем оставшиеся фрагменты тех опытов, – дополнил второй, – понеже я вновь посоветую вам поколь отправить чатра на спутник Хияке.

Впрочем, ответ я так и не услышал, ибо над округлой с желтоватым витьем крышкой устройства в котором находился, слегка смыкая сине-алое пространство потолка, проступила голова создания, с редким волосяным покрытием, и весьма гладкой темно-зеленой кожей. Сама голова имела форму клина и смотрелась довольно широкой в черепной части. Так, ровно то лицо клинообразно вытянулось вперед, завершаясь прорезями вместо ноздрей, выставленными сухими тонкими, бурыми губами и находящимися, под закругленным лбом, двумя глазами, коричневыми и точно косо поставленными или только гневливо так глядящими на меня. И дабы не смотреть в эти, ровно бешеные, глаза, я торопливо, да с усилием опустил веки, мгновенно проваливаясь в густой серо-дымчатый туман.

Глава шестая

Я, слегка пошевелившись, сел. И тотчас уставился на стену напротив меня. Понеже ее деревянная поверхность, собранная из длинных продольно сложенных между собой досок привела меня в волнение. Отчего я, слегка вздрогнул и тут же ощутил резкую колющую боль в спине, по-моему, прострелившую ее, сверху вниз, словно там все еще торчала стрела, точнее ее остаток. Потому я неторопливо закинул назад левую руку и слегка ошупал мягкую, легкую ткань, прикрывающую мое тело, а потом и саму спину, где на месте очевидной раны торчала небольшая круглая пластинка, краями, кажется, входящая в саму кожу или только столь плотно к ней прилипшая. Впрочем, трогать ее дальше я не стал, вспомнив, что говорил тот второй (толкующий с непонятым Этлиль-Ка), о том, что воткнутый в спину наконечник с частью древка стрелы, плотно переплелся с соединительной тканью и сосудами, и он, побоявшись мне навредить, его не вынул.

А вспомнив, и сам подивился тому, что продолжаю жить с наконечником и древком застрявшими внутри спины (все же это не нога, куда когда-то также попала стрела, да так и осталась собственным каменным наконечником). Понеже я оставил в покое свою спину и принялся оглядывать помещение, в котором сейчас оказался. Это было длинное, прямоугольное строение, слегка имеющее закругленную вогнутость по двум противоположным стенам, и все собранное из длинных продольно сложенных между собой досок, не только самих стен, сравнительно ровного потолка, но и пола. Посему и он ощутимо казался неровным, а точно ступенчатым каким-то. Слегка красноватый цвет одного между тем лоснился, немного даже переливаясь, собственной гладкостью.

В стенах и потолке не просматривалось никаких окон, такие, какие я, видел у коредеев, потому в помещении царил относительный полумрак. Впрочем, для меня наблюдение не ухудшалось, даже из-за той полутьмы, и я смог разглядеть, что возле стен лежали свернутые в рулон цветастые подстилки. На подобной, только расправленной, сидел на полу и я. Лежанка на ощупь оказалась относительно мягкой, хотя это лежание на полу, мало чем отличалось от моей норы. Из всего мною увиденного лишь белая длинная рубаха, с длинными рукавами, из мягкой материи, в которую я был одет, как-то указывала на улучшение моего положения. Ибо само помещение могло ввести не просто в волнение, а, так-таки, в расстройство. Хотя в нем ощущалось тепло и сравнительная тишина, и еще пахло тут чем-то съедобным так, что тот аромат моментально подвел, прямо-таки, свистнув внутри моего вечно голодного желудка.

Внезапно в стене в дальнем углу помещения, справа относительно меня, слышимо скрипнув, открылась дверь, лишь на малость, впуская внутрь розоватого отлива свет, а вместе с ним непонятное существо, а может и создание. Вельми тощее, даже в сравнение с моей худобой, и в тоже время рослое. У него однозначно было туловище, как у меня имелись две руки и две ноги, голова, покрытые негустой серо-розовой шерстью, образующей почитай сплошное одеяние. Шерсть обильно увивала и лицо, и имеющийся широкий тонкий хвост. На макушке головы существа, несколько вытянутой кверху, находился длинный хохолок при ходьбе колеблющий красные волоски. На лице просматривались два небольших ярко-красных глаза, выглядывающий угловатый кончик носа и рот с явственно очерченными розовыми губами. Он, вступив в помещение, закрыв за собой дверь, на чуточку замер, точно в отличие от меня в плывущей темноте плохо видел, а потом, медленно ступая по полу босыми длинными стопами, направился ко мне.

Впрочем, он еще толком не успел подойти, как я, опершись о стену рукой, поднялся на ноги, и, предваряя его, спросил, чуть дрогнувшим голосом:

– Ты кто? Чего тебе надо? Где я нахожусь? – и тотчас ощутил, как судорожно дрогнули мои ноги, а боль, правящая в спине, точно в едином месте, проткнутом стрелой, моментально

растеклась по всей ее поверхности, отчего я дико вскрикнул. Да не устояв на ногах, повалился на колени, въехав ими в относительную мягкость лежака. Яркие пурпурные струи дыма внезапно выплеснулись перед моим наблюдением, смыкая как непонятное существо, или создание, так и само помещение. Да только дымились они перед глазами недолго, а слегка поредев, явили в нескольких шагах от меня шерстистого. Неподвижно застывшего и вытянувшего в моем направлении правую руку с чуть колеблющимися на них пятью пальцами, завершающимися загнутыми черными когтями (вряд ли ногтями), признак того, что передо мной все же существо, супротив создания имеющего лишь четное количество перст.

– Успокойтесь, – очень низко и ровно воркующее произнесло существо, и так как меня вроде перестало раскачивать, медленно опустилось передо мной на присядки, сравнив, таким побытом, наши взгляды и расположение лиц. – Я не причиню вам вреда, – вновь заговорил он, созерцаемо шевельнув розоватыми губами, – меня зовут Ачи, и мы днесь находимся на спутнике Хияке планеты Риньяки, в скит-горе. Сие место является комплексом подвижнического движения горнорабочих дорийцев, относимых к малоразвитым расам Веж-Аруджана, существам, кои за условную плату осуществляют уход, содержание, облагораживание данных земель спутника. Единожды проживая вдали от населения Риньяки, следуя путем отречения от естественных потребностей, внешних связей, подвергая себя самоограничению и самоотвержению. Единственно и безоговорочно выполняя те или иные поручения его светлости богдыхая высокоразвитой расы агисов Багланбехзала, коим принадлежит планета Риньяка и обобщенно система Филеи.

– Я уже слышал это имя, Багланбехзала твоего, – грубо отозвался я, начиная почему-то раздражаться на этого Ачи, ибо окончательно осознал, что услышанное ранее оказалось не выдумкой моего мозга, а действительностью. – И не собираюсь тут это... подвергать себя самоограничению, – дополнил я, право молвить с трудом разумея смысл того самого понятия...

– И никто не заставит, ибо вы в скит-горе, токмо временно, – сразу откликнулся горнорабочий дорийц и едва качнул головой, словно кивнул. – Вмале вас отсель изымут и переправят на Риньяку, иде вашим становлением займутся сподручники его светлости богдыхая Багланбехзала. Абы мнихом в скит-горе может стать только горнорабочий дорийц, купивший сие место себе на Хияке. А это вельми дорогостоящий дар, лишь получивший его, опосля смерти попадает в землю покоя и света лежащую с иной стези бытия.

– Чего? – и вовсе сердито протянул я в ответ, да принялся медленно подниматься с колен. Понимая, что этот Ачи явно толкует о жизни после смерти. В коей если и можно было подзревать то лишь существование сознания, которым как я теперь думал, после встречи с Ларса-Уту, обладало какое-то малое количество созданий и существ, и вряд ли оно имелось у людей. Ведь из тех же пояснений того второго с которым разговаривал неизвестный мне Этлиль-Ка, я все же был не человек...

То ли от моего недовольства, то ли оттого, что я резко поднялся на ноги, у мниха затрепетал длинный хохолок, явно для моего наблюдения принявшись дрожать каждым отдельным красным волоском. И от сего трепыхания, я, кажется, еще сильнее распалился, так как мне не хотелось оставаться вне моего желания на Хияке, или делать неясное становление, предложенное сподручниками богдыхая. Я и вообще гневался на того неизвестного Этлиль-Ка и Багланбехзала, оные не дали мне повидаться с Ларса-Уту, и почему-то, без моего согласия, решали кем я должен буду вскоре стать...

Все еще обдумывая слова Ачи и едва над ним возвышаясь, я вновь качнулся, почувствовав резкую, жгучую боль в спине, на месте воткнутой стрелы, и негромко застонав, оперся левой рукой о стену, боясь, так-таки, упасть. Мних тотчас, точно уловив мою боль или только услышав стон, поднялся на ноги, сровнявшись со мной ростом, да протянув в направлении меня обе руки, бережно поддержал под бока, с тем же воркованием своего низкого голоса досказав:

– Прошу вас, сагиб, – явственно так почтительно обращаясь ко мне, и слегка пригнул голову, точнее втянул шею, словно желая стать ниже меня. – Не надобно гневаться, абы я ни в чем, ни повинен пред вами. А толкую токмо о том, что было мне доверено и позволено вам передать. – На лице Ачи сейчас в ярко-красных радужках, словно слегка растянулись, а после сжались круглые черные зрачки, и он еще тише добавил, – мне было указано величать вас, уважительно сагиб, абы сие обращение бытует от низшей касты к высшей, в среде системы Филеи. Поелику значица, что в мале вы приобретете более значимое место среди высокоразвитой расы агисов. А ноне, не желаете ли, сагиб, выйти из собхи и покушать? – спросил он, да так просящее, что угловатый кончик его носа, не покрытый шерстью и больше похожий на клюв птицы, легонько дрогнул. В этот раз, вызвав во мне чувства жалости. Посему я сразу перестал раздражаться и в ответ кивнул, будучи и впрямь не против покинуть эту постройку и увидеть, где нахожусь, так сказать, воочию.

Глава седьмая

Дверь позади меня все еще продолжала поскрипывать, когда мы вышли из собхи, как называл Ачи, данную постройку, а я первым делом осмотрелся. Розовый свет наполнял наблюдаемое мною пространство, замкнутое десятью длинными деревянными постройками, собранными из продольно сложенных между собой досок. Прямоугольного вида, они слегка изгибали стены, посему пристроившись друг за другом, создавали огромный такой и точно замкнутый круг, абы между ними не просматривались проходы, лишь узкие щели, через которые едва бы протиснулся я. Сами строения, точнее собхи, имели плоскую крышу, и всего одну дверь, почти в стыке стен. Впрочем, на стенах не наблюдалось окон, или дыр, каких-либо проемов.

Созданный строениями, загороженный, участок отличался желтоватым и очень мелким по структуре грунтом (напоминающим песок), в центре данного круга росло одно огромное дерево, ветви которого располагались горизонтально земле и смотрелись не менее большими и длинными, создавая, таким побытом, тень под собой. Ствол того дерева с красной и явно толстой корой, имеющий множество щелей, дыр и словно проходов, поражал взгляд своим необъемным размахом, оный не сразу то и обойдешь, не то, чтобы обнимешь. Не менее широкими и вздыбленными были корни возле его основания, словно он ими не врос в почву, а приподнял свой ствол над ней. Потому там виднелось округлое углубление, в котором лежали какие-то зеленоватые с кулак плоды. Листья у этого дерева вытянутые и плоские, едва розоватого отлива, казались полупрозрачными так, что созерцалась их волокнистая структура.

Вокруг ствола дерева, как раз между его встопорщенными корневищами такими же красными, как и сам ствол, располагались кострища, наполненные, впрочем, не ветками, а ровно пережженными, черными углями, а потому лишь легонечко дымящиеся. Возле тех кострищ, прохаживалось четверо похожих на Ачи существа, точнее все же горнорабочих дорийца или мниха скит-горы, еще около пяти, какими-то загнутыми, серебристыми скребками терли стены противоположного, нашему, строения.

Теплота парящего воздуха, с легкой горечью дымка, наполняла эту местность спутника, а приятное для взгляда голубо-розовое небо проступало сквозь скученно растущие между собой ветви дерева. Впрочем, небеса только казались двухцветными, на самом деле, стоило мне только вскинуть голову, и всмотреться в них, оказались голубыми и расчерченными розовыми лучами небесного светила поместившегося слева от меня. Огромная шарообразная звезда, точно замерла на одном месте, и придавала розоватый отсвет не только листьям на дереве, создавала легкую дымчатость самого воздуха, но и слегка подкрашивала землю, строения и ровно самих, как мне показалось, немногочисленных мнихов на спутнике. Эти лучи приносили и на сами взгорья (расположившихся сразу за собхами), с пологими обезлесенными склонами, всевозможные оттенки красного и желтого, не только насыщенного пурпурного, но и бледно-золотистого. Растянувшиеся тут, пожалуй, во все стороны низкие возвышенности, по большей частью формирующие сплошные горные цепи имели удивительные волноподобные формы, словно их так обтесали ветра, создав эти неровности на поверхности спутника. Не менее замечательно смотрелась и теперь уже справа, наполовину сомкнутая голубизной неба, планета. Ее поверхность в виде отрывистых, коротких слоев синего, коричневого цвета, была ровно окутана белыми парами, теперь уже зримо колеблющихся.

Оглядев место, постройки и поляну, я глубоко вдохнул через нос горьковатость воздуха, и вновь поразился относительной тишине самого спутника. Ровно на нем не было не только существ, меня, но и обобщенно не жили тут птицы, звери.

– Вас тут много? – решил поинтересоваться я, у стоящего рядом со мной Ачи, и кивнул в направлении идущего к соседнему строению мниха.

– Достаточно, дабы все свободные лежени оказались заняты, – незамедлительно отозвался он и пригнул вниз голову, несколько подав ее вперед. Посему скосив глаза, я увидел, что зрительно для меня он старается стать ниже. – Обаче ваше собхи свободно, в нем бытовать будете вы один. Мы, по указанию его светлости богдыхая Багланбехзала, для вас его освободили. Ибо вы проживете в скит-горе треть седьмого периода согласно движению времени планеты Риньяки. Лишь опосля за вами вернутся.

Он это сказал таким тоном, будто я должен был радоваться тому, что за мной вернутся. Хотя мне желалось, дабы меня забрал не тот клиномордый с бешеными глазами Этлиль-Ка, как я догадывался, а голубокожий и синеглазый Ларса-Уту.

– Лишь токмо, я должен пояснить, что мнихам не положено общаться с вами, – продолжил свой объяснения Ачи, почему-то все сильнее и сильнее меня раздражая. – Або многие из них хранят зарок молчания, и скудоедия.

– Чего? – переспросил я, и резко повернув голову в сторону дорийца, весь прямо сотрясся от раздражения. Уж и не знаю, почему меня так пробирал гнев, глядя на Ачи, будто это он стоял на моем пути к Ларса-Уту, с коим встреча, скорей всего, не просто откладывалась, а однозначно становилась неисполнимой. И, чтобы сдержать собственное недовольство, могшее навредить всем этим безвредным существам, прибывающим кругом меня, я торопливо и протяжно выдохнул. И тем самым ввел еще в большее волнение Ачи, посему он нескрываемо низко склонил передо мной голову, став каким-то обиженно-жалким, и совсем тихо протянул:

– Сие не значит, что вы, сагиб, должны подчиняться нашим зарокам али воздержаниям. Просто на спутнике Хияке, небесное светило, величаемое Кизик, не заходит за глазоём, токмо движется с одной стороны на иную, – добавил он, стараясь сейчас говорить о том, что меня не должно было сердить. – И наш околоток всегда озарен его лучами, понеже собхи сотворены, таким побытом, без окошек, чтобы удавалось спать в темноте. Мнихи сие творят в свой черед, кода-ка одна их часть работает на пожнях, иная отдыхает.

Ачи смолк, а я обвел взглядом, стоящие по кругу строения, вспоминая сколько видел тех самых свернутых подстилок в своей собхи, понимая, что в скит-горе существ, пожалуй, находилось не мало.

Горьковатый дым от кострищ, расположившихся возле корней дерева слегка курившийся, точно переплетался во что-то единое с желтовато-розовой морокой плывущей над почвой и нес на себя ощутимый аромат какой-то еды, подводя мой желудок так, что в нем не просто бурчало, а словно подвывал кто-то. Понеже я торопливо ступил с места, и, широким шагом направившись к стволу дерева напоследок, впрочем, бросил Ачи:

– Хочу кушать, – моментально вспоминая, как перед выходом из моей собхи он обещал мне это.

Ачи, немедля, направился следом за мной, не обгоняя и даже не стараясь нагнать, да внезапно достаточно громко крикнул:

– Лунгиса а меал, умну! – Видимо, толкуя на собственном наречие, – перундьяговский язык в скит-горе знаю токмо я, – теперь поясняя и для меня. Хотя я итак догадался об этом. Ибо знал, что перундьяговский вельми сложный язык, и на нем говорят в основном высоко-развитые расы, так сказать имеющие особые технические достижения и продолжающие собственное существование не за счет рождения потомства, а в связи с изъятием диэнцефалона у малоразвитых рас и искусственного создания себе подобных.

Один из мнихов стоящий возле ближайшего ко мне кострища, стоило только Ачи крикнуть, мгновенно присел на корточки и принялся деревянным, толстым прутом, загнутым на конце, выкатывать из него круглые с кулак, зеленоватые плоды слегка дымящиеся. Я еще толком не дошел до ствола, когда он отступил в сторону, склоняя передо мной не только голову, но и сворачивая в дугу саму спину.

Я же достигнув костра, торопливо опустился на присядки возле плодов, едва кинув в сторону мниха взгляд и поразившись его сходству с Ачи. Одначе не намереваясь продолжить разглядывания, сразу схватил обеими руками по плоду (и так как они оказались на ощупь едва теплыми), сунул их себе в рот, принявшись откусывать остатками своих зубов от одного, посем, не мешкая, от другого. Волокнистая и мягкая внутренность того плода на вкус была ровно трава, не имея как такового аромата, сладости, горечи, кислоты, солености, понеже хотя моя прожорливость казалась безграничной, я не смог понять ем фрукт, овощ али корнеплод. Уж таким данный плод на распознавание был пресным, всего-навсе пахнущим дымком и только.

– Таки, – протянул, опускаясь позади меня на корточки, Ачи, днесь показавшийся мне собственной второй тенью и точно подперев свой зад тонким хвостом. – Сие возделываемый нами в пожнях корнеплод, чьи мясистые корни идут в пищу, – дополнил он, а я, схватив и остальные, принялся их зараз пихать в рот, понимая, что такой пустой едой никогда не забью свой вечно голодный желудок. Поелику, проглотив, очередной немалый кусок таки, недовольно откликнулся:

– А на вкус трава, да и тока. А мясо у вас есть. Хочу мяса, – разглядывая в пережженных мельчайших остатках угольков костра еще штук семь чуть дымящихся таки.

– Сие для мнихов неблагоприятно, вкушать мясо живых творений, – пояснил Ачи, и чуть слышно позади меня хмыкнул, – абы в таком случае мних лишиться радости посетить опосля смерти землю покоя и света, лежащую с иной стези бытия.

Его хмыканье было таким продолжительным или только мне таким показавшимся, что я резко дернул левую руку с зажатым в ладони таки вверх, пребольно стукнув им себя по носу, и тотчас раздражаясь от гнева, грубо сказал:

– Ты, чурбан, что ли, – теперь я слегка застонал, ощутив, что к саднящим весь тот срок ладоням, жгучей боли в районе раны в спине, добавилось нылая боль в носу. – Какая может быть земля покоя и света после смерти. Если умрет твой мозг и тело, единственное сущее, что тебя составляет, что же может уйти в иную стезю бытия.

Я даже резко обернулся, сейчас кривя лицо, и чуть слышно постанывая, а увидев вновь втянутую внутрь плеч голову Ачи, едва сдержался, чтобы не треснуть тем самым таки его по конусной голове на коей покачиваясь, теребился каждым отдельным красным волоском, длинный хохолок.

– Душа, бессмертное начало в любом существе, человеке, дикаре, кое и являет суть жизни, единожды связывая меня с богом, оным выступает любая высокоразвитая раса, – очень быстро выпалил дорийц, и я сразу понял, это он, верно, запоминал с малолетства. Посему и высказывал, без какой заминки, а розовые его губы наблюдаемо задрожали, словно подхватывая на себя и покачивая огибающие их волоски шерсти.

– Чурбан, да! Ты, чурбан! – это я, прямо-таки, выкрикнул, ощущая, как меня захлестывает гнев, от понимания того, что сих существ так воспитывали с рождения, внушая собственную убогость, все ради правления над ними агисов, относимых к высокоразвитым расам. – Какая душа! Какой бог! Это твой богдыхай, или Эгилль-Ка, или Ларса-Уту, боги, что ли... Это создания и существа, оные всего-навсего разумением тебя превзошли, – гулко дополнил я и застонал от боли в спине, обжегшей ее сверху вниз, вплоть до поясницы. А потом и вовсе смолк, ибо увидел, как тягостно затрясся Ачи, затрепетала на нем вся его негустая серо-розовая шерсть, образующая почитай сплошное одеяние на теле, тем как-то сразу сворачивая мое раздражение. Уж таким он казался мне испуганным. Не знаю даже какое из трех созданий, упомянутых мною, вызвало в нем такой прилив страха. Он даже не решился, что-либо ответить, лишь, склонил голову, и, сместив взор, уперся им в кострище, видимо, предоставляя мне возможность доесть таки, что я и продолжил делать, вновь развернувшись.

Обаче и пять съеденных мною таки, не утолили голод, пожалуй, даже его разожгли, посему мне до боли в желудке захотелось съесть мяса. Не важно высушенного или обжарен-

ного в углях, а потому черного, с красноватой влажностью внутри. Поелику я, сглотив остатки таки, негромко прознес, обращая сказанное Ачи:

– Я хочу мяса, абы голоден... Этой вашей травой я не наемся, а посему стану гневаться и как итог, сотворю чего-нибудь нехорошее.

Я замолчал и прерывисто выдохнул носом, осознавая, что порой плохо могу себя контролировать, особенно если голоден или болен, как сейчас. И днесь сказывая о том Ачи, нисколько не обманывал его. Он, впрочем, сидя позади меня, какое-то время молчал, а погода также прерывисто, как я дышал, или только запинаясь, молвил:

– Сагиб, но у нас нет мяса. Мы его не употребляем в еду. Да и коль говорить точнее на спутнике Хияке, не водятся звери, днесь живут в малом количестве птицы и насекомые, оных мы также не употребляем в еду.

– Понеже как вы тут все чурбаны, – сердито добавил я, поднимаясь с присядок и разворачиваясь. Все еще сидящий передо мной Ачи, кажется, еще сильней вжал голову в плечи став каким-то многострадальным, что ли... Отчего мое тело разом все содрогнулось и заболело в каждом своем отдельном клочке, а я от той боли громко вскрикнул. Я даже хотел, что-то сказать поддерживающее Ачи, ибо на самом деле не был плохим, лишь порой не мог сдерживать свое раздражение.

Однако внезапно послышался свистящий гул, точно шедший сверху с небес. Яркая вспышка белого света, словно разрежала его голубизну на части и тот же миг с дерева вниз, посыпались сначала вытянутые, плоские розоватого отлива листья, потом тонкие побеги, боковые отростки, а следом и вовсе широкие в обхвате, длинные ветви. Они не просто упали вниз, а шумно рухнули на землю, вызвав своим падением столпотворение мельчайшего пылевидного грунта, взметнувшегося вверх.

– Вух! – что-то гулко застонал Ачи, вскакивая с присядок, и немедля громко закричал на своем языке, – шуя, пресисе, интшаба! – вроде указывая своим соплеменникам слиться с землей, так как они, попадая на нее, замерли. – Сагиб. Нам надо спрятаться, – досказал он теперь лично для меня и резко, болезненно схватил меня за локоть. Посему если раньше он только кричал, я немедля громко взвыл, так как сия его хватка особой, хлесткой волной боли прокатилась по моей спине и ударила в голову. Отчего я даже на чуть-чуть перестал, что-либо видеть. А дотоль находившаяся поперед моего наблюдения постройка мнихов внезапно вроде качнулась вправо, потом влево и заволоклась беловатым туманом.

Да только сей белесый пар правил совсем недолго и также мгновенно иссяк, а я на месте поваленных веток, листвы на земле увидел лишь крутящийся вроде ветроворота розоватый дымок. Свистящий гул теперь значимо усилился, как и более настойчиво дернул меня к себе находящийся сзади Ачи. Однако я, раздражаясь еще сильней, срыву выдернул из его хватки локоть и также поспешно убежал от него вперед, останавливаясь на вычищенной от ветвей поверхности почвы. И тот же миг поднял голову, к собственному удивлению, увидев овальную платформу аппарата, зависшего в воздухе, сравнительно низко над участком, замкнутым строениями мнихов. На металлической обшивке, которого перемещалась мельчайшая голубоватая рябь, напоминающая волнение не только окружностей, но и множества крупинки, тонких линий, очевидно, выпускаемых из более насыщенного по цвету ярко-синего объемно-выпирающего пятнышка, расположившегося в самом центре летательного корабля. Дно аппарата наблюдаемо свершило движение по эллипсу и образовало неширокое по размеру отверстие, из которого, словно на меня, выпрыгнуло какое-то существо. Посему я, испугавшись его, также резво прыгнул в сторону, да споткнувшись о собственные ноги, плюхнулся прямоком на брюхо, врезавшись в почву не только подбородком, но и губами, носом, таким образом, сразу застыв. И не столько от страха, сколько вновь от боли, внезапно точно вздернувшей мои ноздри вверх.

А в голубых небесах вновь просквозила, прямо-таки, белая полоса света и воткнулась, кажется, в ближайшее строение так, что оно внезапно вспыхнув, зачалось языками красного пламени, принявшись плескаться в первую очередь по деревянной его крыше.

– Чокашь, – услышал я позади себя бархатный голос с суровыми, властными нотками, создания привыкшего повелевать. – Тута у вас должен быть человек, имя его Истом, его привезли с Солнечной системы. Ты знаешь, где он? Абанту бази архо?

Позади меня хриплым возгласом, словно его душили, отозвался кто-то, и, я подумал, это был Ачи. Потому понимая, что разговор ведется обо мне, рывком вскочил на ноги и кинулся бежать напрямик к строению, стараясь проскочить в имеющуюся меж ними узкую щель. Обаче я сделал всего-навсе несколько быстрых и резвых прыжков, напрочь забывая о боли, как меня вроде что-то толкнуло в спину. Да с такой силой, что я снова повалился на грудь, врезавшись подбородком в податливый грунт, и проехав, таким образом, немалый промежуток. В рот мне набилось мельчайшее месиво земли, а я пронзительно застонал от боли в спине, когда меня резко вздернули вверх, и, перевернув, уложили на спину. Поелику я моментально увидел над собой стоящее создание, очевидно, то самое, кое спрыгнуло вниз со все еще висящего вблизи от земли космического судна, и, ранее вопрошающее у Ачи, лежащего на земле в нескольких шагах от меня. Он сейчас смотрелся каким-то уж очень неподвижным, с выпученными красными глазами и приоткрытым ртом из которого явственно вытекала тонкой струйкой кровь.

А создание, стоявшее надо мной, созерцалось очень высоким, значимо и намного выше меня. Оно имело веретенообразную форму туловища, круглую, словно шар голову (по размерам не менее трети всего его роста), и сверху, вроде облачено было в панцирь. Тот панцирь также покрывал и спину создания, а темно-коричневый его покров, або это, однозначно, не являлось кожей, имел светлый тон на груди. На его голове, несколько потянутой вверх собственной макушкой, не имелось как такого лица. Там всего только что и располагалось, два больших черных глаза сложенных из сотен срезанных наискось залащенных граней, поместившихся по бокам головы, да длинные усы-антенны. Создание имело три пары конечностей, очевидно, две пары ему заменяли руки и третья ноги, по виду, впрочем, мало чем отличимые друг от друга, сравнительно ровные и одного размера, длины. Первые отходили от стыка головы и туловища, и, будучи более удлиненными, вельми мощными, напоминали по виду утолщенные к концу патрубки. Вторая пара рук, тут, словно выходящая из груди завершалась шестью короткими пальцами с небольшими воронкообразными присосками на концах. На ногах, опять же, гибких, спиралеобразных, наблюдались черные крупные воронки, правда, с более низкими бортами, на которых создание точно покачивалось вверх-вниз.

– Чокашь, – с особой грубостью дыхнул он на меня гневом, пожалуй, что более мощным, чем дышал я ранее на Ачи. – Куда полз, чокашь, – дополнил он, и внезапно ткнул мне в грудь правым патрубком руки, вращающим собственными зубчатыми краями. – Хочешь подмогу вызвать, – теперь это звучало и вовсе устрашающе, так, что я тягостно закачал головой, напрочь забывая о давешней боли. – Вот же урод какой, – не скрывая своего пренебрежения, досказало создание, и слегка сместив патрубок, уткнуло его край в мой подбородок. – Где у вас тут человек? Абанту архо? Архо? Его зовут Истом, он с Солнечной системы.

Я вновь тягостно затряс головой, уже, и, не зная, стоит ли ему отвечать, а после судорожно сглотнул, скопившуюся во рту пыль, принятую тогда, когда падал на землю. Да все же преодолевая собственный страх, в понимании, что все равно не удастся выжить, протянул:

– Я... Я, Истом... – впервые, пожалуй, сказывая собственное имя с таким отвращением, как нечто грязное и неприятное.

– Что? – создание теперь прямо рыкнуло, погасив в собственном голосе какую-либо бархатистость, оставив лишь суровость. Впрочем, он также сразу втянул внутрь руки, вращающиеся зубчатые края патрубков, словно затрепетав тряпичными кистями и опять шестью пальцами, обретающими зримою твердость погоды. Да оперев нижнюю пару рук себе в ровные бока

туловища, огляделся. Ибо в небе вновь просквозила белая вспышка света, а строение позади меня перебросило огонь с крыши не только на собственные стены, но и на соседнюю собху.

– Я послан, его ясностью, Ларса-Уту, прабхой планеты Пятнистый Острожок, системы Медуница, Галактики Сварга, – внезапно отозвалось создание, погасив в собственном голосе всю суровость, и вновь делая бархатистым его звучание. – Вы понимаете, саиб, о ком я толкую, – добавил он, обращаясь ко мне, как-то по-другому, с мягкостью и почтением.

– Да, понимаю, Ларса-Уту обещал прислать ко мне помощь, – ответил я и тягостно перевернул плечами, увидев, как создание протянуло мне навстречу сразу две из четырех рук.

– Не бойтесь меня саиб. Я не причиню вам вреда, – вновь заговорил он со мной. Впрочем, мне показалось, его настроение меняется еще быстрее, чем мое. И стоит мне, что-либо не так сделать или сказать, и у меня изо рта так же, как у Ачи потечет кровь. А создание внезапно переместилось с одной ноги на иную, слегка притом наклонившись и подхватило меня подмышки, посему я хоть и пытался вжаться в землю и тем уйти от его хватки, так-таки, не сумел. Он, враз, подцепив, и вновь качнувшись (теперь на обеих ногах), выпрямился и поставил меня на ноги, так, что я поневоле вскинул голову вверх, ибо создание оказалось выше меня головы на четыре не меньше.

– Меня зовут Чё-Линг, – наконец, уж и не знаю к радости или нет, представился он. – Не бойтесь меня саиб, – снова повторило создание. Хотя я боялся его все сильнее и сильнее, впервые увидев столь непонятное творение, мало чем похожее на виденных мною людей, существ, созданий. – Мы днесь с вами отправимся на планету Риньяку, откель нас с вами вмале заберут и отвезут к прабхе, – дополнил Чё-Линг и его дотоль черные глаза, внезапно также свернув по кругу мельчайшие грани, лишь на чуть-чуть явили желтые радужки, с всплесками в них сизого цвета. Оные, увидев, я и вовсе отшатнулся от создания, не просто испугавшись, а, прямо-таки, придя от тех глаз в ужас. Да только Чё-Линг крепко меня удерживал, поелику мне удалось всего-навсе дернуться в его руках. Впрочем, сей рывок моментально отозвался болью в моей ране, отчего жгучесть ее разлилась по всей поверхности спины, и я моментально перестав трепыхаться, горестно застонал.

– Что с вами саиб? – беспокойно спросил Чё-Линг, оглядывая меня со всех сторон, и черные его глаза, вновь заместив желтые радужки, блеснули каждой отдельной срезанной наискось залащенной гранью, показавшись мне, пожалуй, виденными на головах насекомых и называемых фасеточными. – Вас ранили? Или не зажила прежняя рана? – добавил он свой вопрос, потому я понял, он обо мне осведомлен достаточно.

– Ага, прежняя рана в спине не зажила, воткнутый в спину наконечник с частью древка стрелы, плотно переплелся с соединительной тканью и сосудами, и его, наверно, не вытащили, – пояснил я дотоль мною слышанное, дополнив собственными догадками, да глубоко с прерывистым дерганьем задышал сначала носом, затем ртом, стараясь справиться с болью.

– От, чокаши, грязные тынды, – сердито протянул Чё-Линг и мне показалось, ранее сказанный мною чурбан, в отношении Ачи, в сравнение с тем, что он выдыхал, было всего лишь ласкательным словом. – Потерпите саиб малую толику времени, вмале вам окажут помощь и боль пройдет, – досказал он и теперь мягко приподнял меня вверх, поддерживая, и третьей рукой под поясницу, да прижал к собственной груди, словно какую ценность, потому мои ноги, оторвавшись от земли, качнулись в воздухе. А мое лицо уперлось ему почти в грудь, в твердый покров панциря и тут, словно собранного из мельчайших щетинок, слегка опирающихся краями. Над нами в небе опять просквозила белая и теперь зрительно мною принятая зигзагообразная полоса света, врезавшаяся в крону дерева и мгновенно вспыхнувшая на ветвях лоскутками красного пламени.

– Уходим, саиб, закройте глаза, – молвил Чё-Линг и вроде как слегка присел, так, что если до этого мои ноги висели, теперь вновь оперлись о землю. Я немного сместил взгляд, вправо, и увидел бездвижно лежащего Ачи, красная кровь, вытекающая из открытого рта, кото-

рого днесь не просто окрасила саму шерсть окружающую его губы, но и перетекла на желтоватый грунт. С очевидностью понимая, что мних умер, так и не осознав отсутствие земли покоя и света после смерти, суетность тех мыслей и ценность данного момента существования.

– Зачем ты его убил? – внезапно и сам от себя того не ожидая спросил я у Чё-Линга, хотя лучшим в моем случае было бы помолчать. Но я чувствовал какую-то вину за эту отнятую, да так толком и не состоявшуюся жизнь, и к прерывистому дыханию ртом, добавил горестный выдох, сочувствия Ачи.

– Сие, сайб, грязные, вонючие тынды, – незамедлительно отозвался Чё-Линг, и я понял, сказывая те непонятные слова, он, определенно, непристойно выражается. – Они служат Багланбехзалу и Этлиль-Ка, врагам и предателям моего обожаемого прабхи Ларса-Уту.

Чё-Линг смолк так, и не досказав того, что я хотел узнать, и тотчас вроде как качнулся вместе со мной вверх-вниз, а после резко сорвался с места, вероятно, выпрыгнув, да полетел вверх, прямо к отверстию в овальной платформе летающего аппарата. Оставляя внизу не только убитого Ачи, но и разгорающееся зарево строений, и обхваченное пламенем, такое удивительно-огромное дерево.

Глава восьмая

Я тягостно вздрогнул, стоило Чё-Лингу опустить меня в просторный и глубокий стул с поручнями и спинкой, в котором мое тело, так-таки, утонуло или оказалось слегка вошедшим в мягкость его кожаного покрытия. Само помещение летательного аппарата, внутри одного мы оказались, имело кубическую форму, где ровный потолок и три стены слегка переливались голубизной, а четвертая, как и пол, смотрелась густо-черного цвета. В центре сего помещения стояли два стула, стоило нам в нее проникнуть через дно и соответственно пол, словно выдвинувшиеся из стен. По ближайшей и обращенной к стульям стене проходил высокий помост, на котором перемигивались красными, синими, зелеными огнями вытянутые, круглые, квадратные клавиши, в стеклянных трубках (приподнятых или вдавленных в панель помоста) покачивалась жидкость, вспыхивали световые пучки и дрожали тончайшие стрелки, шарики и даже крупинки света.

Чё-Линг, опустил на свободный стул стоящий справа от меня, оперев все четыре руки, и перста на них в узкие, приподнятые поручни, точно опершись на них. И в отличие от меня не откинулся в нем, а вспять словно подался вперед, оглядев помост и гулко, указывающее сказав:

– Вывести внешние объемные данные на ситрам, связаться с аста гвотакой, лично с приемной генерал-аншеф Ченгченго Зэн.

И тотчас в стене, напротив, по которой проходил помост с оборудованием, легкой рябью пошла ее поверхность, то ли становясь прозрачной, то ли всего-навсего являя какой-то экран. И на нем, будто выплеснувшись изнутри изобразилась в ярчайшей точности находящаяся местность скит-горы. Потому я увидел расположенные по кругу деревянные собхи, три из которых уже были объаты пламенем, высившееся, посередине созданного ими пространства, огромное дерево, чья крона также полыхала красными зарницами огня. Мне, кажется, я даже смог разглядеть вздыбленные корни дерева и лежащих около них пятерых мнихов, впрочем, большая часть существ, выскочив из строений, уже густо наполнила сам участок скит-горы.

Внезапно экран с изображением, сдвинулся в сторону и в его центре (и тут точно вспыхнул) проявилось с серебристыми переливами помещение, в котором сам потолок наблюдался закругленным, а стены удаленными, за счет легкого синеватого свечения. В данном помещении, опять же, разом обнаружилось стоящее создание, кое я дотоль никогда ни видел. Однако внешним видом оно мне почему-то напомнило корейцев. Хотя это создание, корейского сложения и достаточно высокое имело серо-вошеную чуть-чуть светящуюся кожу. Его голова в верхней половине черепа смотревшаяся объемной, немного расширенной, была все же круглой, а длинная, тонкая шея, удерживающая ее, зрительно образовывала дугу, одновременно, изгибая и саму спину. Лицо с небольшим носом, костисто-выступающей спинкой, завершалось вытянутым, узким, расщепленным надвое подбородком, и имело маленький рот с выраженными округлыми черными губами, да крупные с черной радужкой миндалевидные глаза. У создания не было ушей, там виднелись лишь впадины, и волос. Впрочем, на округлой макушке наблюдался фиолетового свечения выпуклый рисунок в виде восьмилепестковой звезды. Одет он был в плотно облегающий фигуру фиолетовый комбинезон, ворот которого укрывал шею, и, одновременно, поддерживал голову, подпирал подбородок, где сами манжеты рукавов доходили вплоть до больших пальцев (как оказалось) пятипалой ладони. Понеже я даже подумал, что это все же не создание, а существо.

– Нет, – негромко молвил Чё-Линг, явственно говоря для меня, – это высокоразвитая раса, таусенцев. А сие возглавляющий межгалактическую станцию аста гвотаку генерал-аншеф Ченгченго Зэн, – он смолк, а я сразу понял, что не просто помыслил, а сказал вслух.

Сам же генерал-аншеф, смотрящийся не то, чтобы картинкой, а полноценным, объемным изображением, резко обвел своими черными глазами, в оных блеснули крупинки точно белых зрачков, сначала меня, потом Чё-Линга и мягким, вибрирующим голосом сказал:

– Слушаю вас, достопочтенный авитару.

– Как мы и предполагали с вами, ваша светлость, саиб, оказался на спутнике Хияке, – сразу переходя в свою манеру разговора, а именно гася бархатистость и начиная ровно гневаться, проронил Чё-Линг. – И пошто вы вообще позволили богдыхаю с его сподручниками лазить в Солнечной системе. Ведь была же у нас с вами договоренность... Не токмо со мной, а обобщенно с пречистым канцлер-махари.

– Извините, достопочтенный авитару, но мы вже давно толком не курируем Солнечную систему, всего-навсе выставляем патрули, – незамедлительно отозвался Ченгченго Зэн, и, зрительно голова его точно подалась вперед, на самом деле он лишь шагнул в эту сторону. – Я же вам о том давеча толковал, зачем сызнова в том нас упрекать.

– Сомкните рот, генерал-аншеф, – теперь Чё-Линг, прямо-таки, зарычал на таусенца, чем ввел меня еще в большее волнение, ибо я и до этого не переставал дрожать. – Чокашь, тында тупая, – протянул он, и это явно звучало в оскорбительной форме, а длинные усы на его лице тягостно дрогнули. – Не понимаете, да? – и тот же миг еще ниже склонилась голова генерал-аншефа, символизируя ни мало, ни много подчиненность. – Меня обстреляли, двигатель выведен из работы, я всего-навсе, что и смогу токмо дотянуть до Риньяки, где спрячусь у своих споспешников. Поелику срочно свяжитесь с пречистым канцлер-махари Врагоч Вида Вышя, абы я перед отлетом из Медунки с ним столкнулся о полноценной помощи со стороны тарховичей. Посему ноне сообщите ему, что вы прозевали саиба в Солнечной системе, и богдыхай его похитил, да спрятал на спутнике Хияке. Пусть пречистый канцлер-махари пришлет в систему Филеи, за нами, что-то более содержательное, чем его сотрудники. Або саиб очень нужен его ясности прабху Ларса-Уту... А там я уверен и не только ему, возможно и самому Ананта Дэви. Я понятно изъяснился?

– Естественно, достопочтенный авитару, все выполним, как указываете, и в короткий срок, – враз и более звонко, для мягкости собственного голоса, откликнулся таусенец, теперь вскидывая голову и на округлой макушке его головы внезапно, словно шевельнувшись, сменил расположение фиолетового свечения выпуклый рисунок восьмилепестковой звезды, видимо, отражающий его пост, должность, а может и возраст. – И, так-таки, я повторюсь надо было согласовать полет на спутник Хияк системы Филеи сразу с пречистым канцлер-махари, дабы они вас сопровождали. А днесь, каким образом сотрудники пречистого канцлер-махари смогут вас разыскать на Риньяке? – спросил генерал-аншеф вновь, как-то нервно-вибрируя. И это волнение отразилось не только в мгновенно погасших, в его черных радужках, крох зрачков, но и легкой ряби, что пробежала по коже лица сверху вниз.

– Тында тупая, велеречит она, – дыхнул Чё-Линг, да с таким хлещущим гневом, что и я поневоле втянул голову в плечи, утопив в них и без того короткую шею, боясь на него даже взглянуть. – Вы не поняли, никаких сотрудников канцлер-махари, пусть прилетает сам, али пришлет адмирал-схалас Госпав Гавр Гая. Сиречь в это может вмешаться верховный канцлер агисов, не думаю, что саиб понадобился богдыхаю.

– Нет, я нужен, этому клиномордому, Этлиль-Ка, – едва шевельнув губами, произнес я, ибо понимал, что Чё-Линг также не хочет моего возвращения на Хияк и в целом в руки тех, у кого дотоль находился.

– Слышали, что толкует саиб, – рыкнул в направление таусенца достопочтенный авитару, и тот вновь пригнул голову, выставив в нашу сторону свою макушку на поверхности кожи, которой, и впрямь медленно двигалась восьмиконечная звезда. Внезапно справа от генерал-аншеф в той части экран, где было изображение скит-горы, ярко полыхнула новая светящаяся полоса, ударившая в одно из строений. И вроде как слегка качнула наш летательный аппарат, посему

от данного толчка, я громко вскрикнул, а Чё-Линг моментально обретая бархатистость своего голоса, сказал:

– Все улетаем, завести второй блок си-двигателя, снятся с бреющего полета, направление движение система Филеи, планета Риньяк, континент Каламат, предместье града Верда, – и тотчас изображение таусенца словно растаяло или только вошло в стену. Аппарат наш как-то срыву и ощутимо для меня дернулся вверх, вроде прыгнул, одновременно, растягивая экран во всю стену, уменьшая местность скит-горы до едва приметных буро-желтых полос, порой ярко вспыхивающих крохами красного и белого света.

– Ну, вот саиб, со спутника мы вырвались, поелику нас плазмоидная дальнобойка, установленная на нем, не достанет, – все также бархатисто и коль говорить точнее мило, молвил Чё-Линг, слегка разворачивая в мою сторону свою голову и зыряка на меня чернотой своих фасеточных глаз. – У них вообще вооружение захудалое, едино речение, агисы, – дополнил он, и я услышал его хмыканье, вроде смеха.

– Какое же захудалое, весь скит-гору сожгли, – несогласно заметил я, удрученно вспоминая сожженные строения и убитого Ачи, пострадавших явственно из-за меня.

– О! да не полоштесь о том, саиб, кто они, кто вы, – произнес Чё-Линг таким тоном, ровно я был чем-то уникальным или хотя бы нужным. Впрочем, я и впрямь таким оказался, не зря ведь за мной он прилетел. Да еще и связался с таусенцами, и, как я понял, попросил помощи у самого пречистого канцлер-махари Врагоч Вида Вышя, одного из трех высокопоставленных тарховичей, возглавляющего Директивный Совет Великого Вече Рас, при Верховном Халаке тарховичей, ближайшего соратника амирнарха, как о том неизменно говорили коредейвы.

– А поколь мы на пути к Риньяке, давайте саиб познакомимся поближе, – пояснил Чё-Линг, теперь пристраивая две руки у себя на животе, а две иные, располагая вдоль поручней стула. – Я служу его ясности, Ларса-Уту, прабхе планеты Пятнистый Острожок, системы Медунница, Галактики Сварга, являясь его авитаром, подобием телохранителя. Для всех созданий я достопочтенный авитару, существ и людей саиб, для вас Чё-Линг.

– У меня нет нормального имени... а этот Истом, оно мне всегда не нравилось, – незамедлительно отозвался я, поглядывая прямо между глаз авитара, в надежде, что под панцирем возможно и находится рот, кой издает звуки и ведет со мной разговор.

– Я не смею величать вас по имени, – вставил Чё-Линг и усы его легонечко вздрогнули, как и самую толику сотрясся сам летательный аппарат, в оном мы с ним находились. – Лишь почтительно саиб. Обаче, мне не ясно, почему вы, саиб не выбрали себе более благозвучное имя? – спросил он и неожиданно для моего наблюдения его веретенообразное туловище, суженное на концах (то есть у основания головы и ног), и расширяющееся в середине, мелко-мелко задрожало, пустив зябь по поверхности. Посему мельчайшие щетинки, из которых оно было собрано, вошли в пазы соседних, образовав единый, ровный покров.

– А зачем? – с удивлением наблюдая за изменением покрова и цвета, вроде слегка побелевшего, переспросил я. – Это имя мне дали родители. А когда они умерли, все едино звать не кому. Ибо сродники изгнали меня из поселения, и я весь тот срок жил один.

Чё-Линг сейчас слегка качнул головой так, что в правом его глазу в каждой отдельной грани я увидел собственное отражение. Белый цвет кожи моей смотрелся красно-серой за счет многочисленных шелушащихся и мокнущих серых пятен, пузырьков внутри имеющих пурпурный отлив, серебристых узелков и жилок. У меня были очень крупные глазницы, с растянутыми и чуть вскинутыми вверх уголками, в красно-розоватых радужках, которых находились поперечно продолговатые, щелевидные с рядом отверстий пурпурные зрачки, сейчас стянутые в узкую полоску. Небольшой нос, с выпученным вверх кончиком, словно выказывал две круглые ноздри, и ноне, прямо-таки, распух, растекся на лице, подпирая с двух сторон глаза, и, наползая на тончайшие, красные губы. У меня были явно выражены скулы, высокие,

вроде берущие начало от висков и сужающиеся к нижней части лица, они делали саму форму лица длинной и узкой, схожей с овалом, посему на подбородок приходилось столько же длины сколько и на лоб. Расположенные в височной кости черепа два уха хоть и ограничивались, как у людей, ушной раковиной и тут имели уродство, ибо слуховые проходы в них перекрывала тонкая, мягкая на ощупь ткань. Впрочем, она не мешала мне хорошо слышать.

Чё-Линг при встрече со мной, сказал правду, я и впрямь смотрелся уродом.

– Нет, нет, саиб, простите меня за грубость, вы не урод, – торопливо сказал он, и я осознал, что последнюю молвь вновь по привычке сказал вслух, – сие просто, я был рассержен. Ибо пришлось лететь на спутник Хияке, оный я не привечаю. Но в отношении себя вы не должны быть столь категоричны. Вы ведь еще молоды... Сколько прожито вами лет?

– Не знаю точно, может лет пятнадцать, – отозвался я и отвел взгляд в сторону, не желая больше рассматривать себя в гранях глаза авитару. – Всегда было сложно сделать соотношение времени, кое течет на Земле в Солнечной системе, и в системе корейцев, где я учился.

– О! Так вы совсем дитя, мальчик, – протянул с особой теплотой в голосе Чё-Линг, поразив меня тем, что мог ее выдыхать. – Его ясность так и предположил, что вы дитя еще. Но в мале, в мале саиб все изменится, и, вы станете учеником его ясности прабхи Ларса-Уту, вам выберут доброе имя, окружают заботой, теплом.

Теперь я слышимо хмыкнул, и, уставившись на экран в стене, или, все-таки, квадратное из прозрачного материала окно-иллюминатора, увидел черную даль космоса расчерченного розовыми лучами небесного светила системы Филеи, Кизик. А потом все же пояснил свой хмык:

– Просто этот ваш клиномордый, Этлиль-Ка, тоже хотел сделать из меня чатра, воспитанника, – и днесь воспроизводя его молвь, в точности дополнил, – чатра обладает мощными способностями даятеситя. Понеже мы с ним сможем противопоставить их сообща Ларса-Уту, позднее вступив в сотрудничество с гиалоплазматическими созданиями, воспротивившись политики амирнарха и обобщенно Веж-Аруджана.

Я сместил взгляд с иллюминатора на авитару, стараясь понять, что он об этом думает. Ибо сам я уж и не знаю, по какой причине, никак не хотел становиться воспитанником Этлиль-Ка, предпочитая, все же, встретиться с таким нежным, и как мне показалось мягким, в общение Ларса-Уту.

– Чокашь, тында, предатель сей Этлиль-Ка, уж я вам доложу, саиб, – вновь переходя на глухое рокотание гнева, протянул Чё-Линг, и усы его, перестав дрожать, неподвижно замерли. А мгновением погодя белый луч света внезапно пронесся прямо перед иллюминатором нашего летательного аппарата, точно разлиновав и сами розовые лучи Кизик. И в следующий момент наше судно ощутило вздрогнув, остановило свое движение в направлении приближающейся планеты, смотрящейся густо опутанной белыми мохнатыми облаками. Ощутимый толчок и само пространство с расположенной справа Риньяк резко сместилось влево, видимо, аппарат развернуло. И дотоль наблюдаемая черная бархатистость космоса заместилась сероголубой синевою, точно планета резко качнулась в нашу сторону, теперь набухнув, укрупнившись лишь своим одним боком, сине-бурые пласты которой скрывали все те же густые кучные облака. Еще морг, и, судно, вновь, дернувшись, ощутило и достаточно быстро понеслось в направлении Риньяк.

– Да, похоже, саиб у нас совсем мало времени, – раздумчиво произнес Чё-Линг, и, опершись двумя руками о поручни стула, с легкостью поднялся на ноги, зрительно подперев головой потолок помещения. – Охранные системы Филеи нас все же засекли, – продолжил пояснять он, – наше судно, прямлет, своим внешним видом напоминает метеорит, абы является рекогносцировочным. Поелику отражает от собственной поверхности лучи охранных систем, этак, выдавая себя за небольшой по размеру метеорит, оный не может навредить обобщенно планете. Обаче сами системы постараются скорректировать траекторию его полета, коль она

будет нести угрозу. Но в нашем случае праямлет направлен на континент Каламат, омываемый водами Силайского моря, где проживают горнорабочие дорийцы. Единственно охранная система может смутить направление к граду Верда, ведь там проходят, в сей период времени, ярмарочные месяца. Понеже они могут самую толику подправить полет и тока. – Он говорил не столько даже для меня, сколько сам с собой, неотрывно глядя сквозь иллюминатор, – на Риньяке два континента, Каламат, где живут существа, да человеческие виды, и, Лакия, населенная агисами, на мой взгляд, мало чем отличимых от тех, кто на них трудится. И вовсе не ясно пошто их давеча тарховичи вывели в высокоразвитую расу, весь срок конфликтуют со всеми, плодят всякие заговоры, скрывают всевозможных предателей. Дрянь, а не раса.

Чё-Линг, впрочем, не договорив, смолк, так как наше судно внезапно закрутило по кругу и перед моим наблюдением замелькали не только синие пласты неба в кучных облаках, но и приближающийся бурый пласт, мгновенно надвигающейся планеты. Багряный широкий столп света неожиданно просквозил впереди иллюминатора, оставив после себя легкое дымчатое полотно, которое опутало с наружной стороны прозрачный его материал, пригасив яркость красок даже для моих глаз. И тотчас на помосте, где располагались устройства и оборудования, разноцветные тона сменились на ярко-красный цвет, не только в вытянутых, круглых, квадратных клавишах, но и в приподнятых, вдавленных стеклянных трубках с покачивающейся жидкостью, световых пучках и даже тончайших стрелках, шариках, крупинках света.

– Чокашь, пожалуй, у агисов появилась более совершенная система охраны, абы они нас взяли под контроль, установив как судно, – протянул Чё-Линг и неожиданно гаркнул, точно заговорив на другом языке, так что я от сей неожиданности подпрыгнул в кресле, переведя на него взгляд.

– Упреждая какие-либо действия, сообщаем, что руководство вашим праямлетом, незаконно вошедшим в систему Филей, посетившим спутник Хияк и направляющимся к планете Риньяк, приняла на себя филейская охранная система, – послышалась, словно из помоста, очень громкая речь, и в голосе говорившего я услышал легкий металлический отзвук.

– Почему они говорят по перундьяговски? – удивленно спросил я, переводя взгляд на стоящего авитару, ибо мелькание в иллюминаторе за дымчатым, багряным светом не прекращалось, ровно нас продолжали крутить.

– Эт же язык межрасового общения, – откликнулся Чё-Линг и теперь повернул в мою сторону голову, сосредотачивая взгляд своих фасеточных глаз на мне, – кто ж знает язык агисов, кому он нужен. Обаче, саиб, послушайте меня, нам с вами надобно покинуть праямлет. Я одену вам на лицо видамбану, через нее вы сможете дышать, одновременно, сомкнув обзор. И мы с вами спрыгнем.

– Куда спрыгнем? – испуганно спросил я и едва дернул взгляд в направление иллюминатора, где в багряных парах уже значимо проступали какие-то участки планеты, то ли суши, то ли воды. Чё-Линг, впрочем, так и не ответив, торопливо шагнул к моему креслу и слегка наклонившись, подхватив меня подмышки, поставил на ноги. Одна из его рук, внезапно свершила вращательное движение, точно втягивая внутрь пальцы и кисть, и явила прозрачно-бурую воронку. Края, которой также резко дернулись в мою сторону, точнее к лицу, прямо-таки, втянув вглубь себя не только кожу, но и глаза, нос. И тотчас боль от сего движения просквозила, вроде резкого удара воздуха, оный я, пожалуй, и не сумел толком принять, лишь вскрикнул, да лишился чувств.

Глава девятая

Густая тьма сейчас сразу сменилась на небольшой цилиндрический предмет с заточенным нижним концом и веревочкой сверху, которая подхлестывая, приводила его во вращение. Сине-фиолетовая поверхность наблюдаемо выплыла из вращения этого предмета и расширилась до нескончаемых пределов, которые я не столько не смог, сколько не успел охватить. А кучные нагромождения буро-зеленых облаков газа сформировали горные кручи, угловатые вершины, длинные струи и полосы, закручиваясь вокруг меня, точнее моего перламутрово-серебристого сознания. Абы я не просто лишился чувств, а вновь отправился в путешествие, даятесия, как его величали Ларса-Уту и Этлиль-Ка, находя в этом, что-то вельми достойное и уникальное.

Впрочем, в сей раз, несмотря на сильное кручение моего сознания (что также случилось не редко, ибо я не всегда летел, порой падал, как упомянутый на Риньяке Чё-Лингом метеорит), я сразу понял, что направляюсь не в систему корейдов Паньгу и их центральную планету Невель, а в какое-то иное место. Потому как не увидел я на привычной для меня синей поверхности космоса, две яркие красные массивные звезды, вокруг которых удаленно двигалось не только множество планет, небесных тел, но и поместилась красная с тусклым светом небольшая третья звезда.

Вспять того закручивания я глубоко вздохнул и словно пройдя сквозь кучные нагромождения буро-зеленых облаков газа, прыгнув вниз, приземлился ногами на каменную серо-голубую поверхность, слегка присев. Оно как внезапно болью отозвалась моя спина, и, пожалуй, что занял точно ударенный нос.

Я медлил совсем немного, справляясь с болью, а после подстегиваемый любопытством, выпрямился и огляделся. Скалистые серо-голубые горные гряды, собранные из рыхлых каменно-ледяных глыб, окружали со всех сторон мощное и достаточно ровное плато. Каменистая почва, которого, была изрыта глубокими узкими рытвина и округлыми впадинами. Сама поверхность гор и земли, флуоресцируя, принимала голубоватую окраску. Придавая и расположенным на плато отдельно стоящим многочисленным конусообразным строениям, ровно сотворенным из льда, прозрачно-голубоватый цвет. Их еще более высокие шпили, кажется, упирались в черный небосвод, раскинувшийся над этой частью планеты или спутника, едва оттеняемый по краю голубоватыми лучами, в оных просматривались небольшие, почти иссиня-черные, низко нависающие круглые небесные светила, чьи поверхности созерцались во впадинах, узких каньонах, и даже возвышенностях. Среди тех многочисленных спутников и планет особой яркостью выделялась занимающая почти половину свободного пространство неба массивная звезда голубого свечения, только имеющая не круглую форму, а ровно усеченную на треть с покореженными краями, возле которых виднелось и вовсе крошево синих пятен.

На этой планете или спутнике я был впервые, ощущая к собственному удивлению ее точно ледяные скалы и грунт, чувствуя плывущий кругом холод и даже легкое покалывание ледяных крупинок на губах. Внезапно позади меня, что-то слышимо засвистело и я, резко оглянувшись, увидел движущийся в мою сторону громоздкий космический аппарат, с довольно длинным и уплощенным корпусом, точно собранный из отдельных стыковочных сегментов. Заостренный нос судна был утыкан множеством мельчайших белых глазков, выбрасывающих вперед световые полосы и будто ошупывающих ими саму поверхность планеты, на которой я находился. Ярко-синего цвета корпус имел красные широкие полосы по собственному дну, из оных торчали какие-то угловатые патрубки порой выпускающие белый дым.

Да только на это судно я толком и не смотрел, ибо все мое внимание сосредоточилось на двигающейся за ним и увеличивающейся в размерах водной волне. Черная с легким перламутровым дымком, то ли так прикрывающим ее, то ли всего-навсе летящим впереди, та волна

наблюдалась густой и вязкой, словно в отличие от воды обладала тягучей тяжестью. И двигаясь направлена на меня и в след улетающего космического аппарата, зримо укрывала своим водным, густым покрывалом поверхность планеты, одновременно, смыкая той перламутрово-черной густотой и сам небосвод.

Впрочем, я видел как внутри той непонятной субстанции, сравнительно небольшие существа сизо-черные со сплюснутыми, дугообразными телами покрытые тонкими, ровно когти, конечностями, слеплялись во что-то целостное, единое. Поелику само вещество в тех местах густело, пузырилось и растапливало ледяные бока скал и гор на планете.

Судно пролетело прямо надо мной, однако достаточно высоко. Хотя я четко расслышал его свистящий гул, а из угловатых патрубков дна прямо на меня плеснулись белые, горьковатые пары. Да только я не обратил внимания на дым, так как неожиданно, нагоняя судно, перламутрово-черная густая субстанция ударила меня прямо в грудь и лицо. И я, забывая, что всего-навсего сознание, коему невозможно навредить, от испытанного ужаса, закричал. Впервые испугавшись и растерявшись, ибо с таким никогда не имел дела. А после, также сразу свернув крик, глубоко вздохнул, только не носом или ртом, а ровно всей поверхностью своего перламутрово-серебристого сознания, и, качнувшись в том вязком и пузырящемся возле меня веществе, ощутил успокоение, тепло, да тотчас сомкнул глаза, стараясь понять, что со мной происходит.

Да только я это зря сделал. Ибо порой смыкая глаза, или только гася в них яркость, я неизменно возвращался в собственное тело.

Вот и сейчас стоило перламутрово-черной воде, сменится на плотную тьму, как само пространство передо мной пошло зябью, в котором меня не качнуло, а словно срыву бросило вниз. Посему я, ощутимо пролетев какое-то неопределенное время, резко упал на, что-то твердое, и от боли в спине, руках, ногах и голове, громко вскрикнул. А уже в следующий момент услышал бархатистый голос Чё-Линга, сказавшего:

– Саиб, сайб, успокойтесь не кричите. Да, что с вами происходит такое? Тише, тише... – вельми ласково произнес авитару, и я даже не подозревал, что он может говорить так нежно и тихо, полностью убрав из голоса какое-либо недовольство.

Я тяжело выдохнул через нос. Ибо мне показалось, что я как-то сразу разучился дышать обычным образом, а после, немного приоткрыв рот, сухими губами отозвался, стараясь пояснить произошедшее:

– Это даятеситя, – потому как мне почудилось Чё-Линг уж очень взволнован.

– Это у вас так даятеситя проявляется, конвульсиями, болями и криками? – переспросил он меня, и я, желая все объяснить, наконец, открыл глаза. Да тотчас вновь вскрикнул, теперь, впрочем, не от боли, а от страха. Потому как вместо Чё-Линга с его веретенообразным туловищем, покрытого панцирем, головой шаром и расположенными на ней фасеточными черными глазами увидел иное создание, воззрившееся на меня узкими глазами с желтыми радужками, где вместо зрачков наблюдались лишь всплески сизого цвета. У этого создания уплощенное, округлое лицо с низким переносьем и приплюснутым носом, поражало вспять того массивными скулами и округлым с малой выемкой в центре подбородком. Над полными коричневыми губами росли густые черные усы, огибающие уголки, спускающиеся к подбородку и свисающие с него короткими прядями, увешанными мельчайшими желто-прозрачными камушками. Такими же густыми, огибающими уголки обоих глаз были брови, и тут на кончиках увенчанные подобными камнями. Черные, жесткие волосы, стыкующиеся на лбу с бровями, пролегали по голове в виде узкого вертикально стоящего гребня, завершающегося на затылке. Вся остальная часть головы была лысой и покрыта тонкими черными полосами, на которых располагались переливающиеся желтым светом очень мелкие символы. Кожа создания почти желтая с легким бурым отсветом состояла из мелких чешуек и смотрелась очень сухой. Высокий, крепкий с широкими плечами, торсом и выпирающими мышцами, вельми ребристыми, двумя руками

и ногами. Он сидел возле меня на корточках, одетый в распахнутую, короткую и без рукавов, коричневую рубашку, такие же легкие, узкие белые штаны, кои на голени образовывали многочисленные складки, то ли заправленные в мягкие сапоги, то ли стыкующиеся с ними во, что —то цельное.

– Ты, кто? – спросил я, смыкая свой крик, и с волнением уставился в лицо создания.

– Это я, Чё-Линг, не волнуйтесь, саиб, – торопливо отозвалось создание бархатистостью голоса авитару, приводя меня еще в большую тревогу. – Я просто принял свой настоящий образ, сняв защитный панцирь, – дополнил он, и я в ответ прерывисто выдохнул, успокаиваясь.

– А руки? – вновь задал я вопрос, рассматривая новый образ авитару Ларса-Уту.

– У меня две руки на самом деле, а сие токмо вспомогательные конечности, оными я пользуюсь при необходимости, – пояснил он, и слегка наклонив на сторону голову, блеснул оранжевыми камушками, что полностью укрывали собой кожу на ушных раковинах, формируя ровную полосу. Сами уши у Чё-Линга были оттопырены, и располагались к височной кости головы под прямым углом. Я сместил взгляд с его лица и глянул на синюю дымчатость неба, словно надвигающейся на планету ночи, справа слегка загороженной широкой и длинной веткой, почти белесого цвета, не имеющей листов и лишь покрытой короткими красными шипами.

Авитару протянул в направление моего лица правую руку и шестью короткими пальцами, где присоски заместились мягкими подушечками, да желтыми круглыми ногтями, нежно провел по лбу, щекам и носу. Тем, доставив мне вновь зудящее нытье, будто нос у меня все же сломали, а на коже вскрыли все и сразу мокнущие пятна, пузырьки, узелки и жилки.

– А... больно, – простонав, пояснил я, и опять глубоко вздохнул, а Чё-Линг рывком убрал от моего лица руку. Посему и боль, теперь немного приглушив собственную мощь, лишь оставила жжение в спине на месте раны и нылое, скрученное состояние в конечностях, видимо, перед тем подвергшихся судорогам.

– У вас, саиб, всегда столь болезненно проходит даятеситя? – спросил авитару, и, медленно переместившись с присядок, сел напротив, оставив, впрочем, в наблюдении всего меня. Я в ответ лишь кивнул, подумав, что его вопрос не требует пояснений, ибо он и сам все пронаблюдал.

– Просто я не человек, – все-таки, откликнулся я, желая обсудить то, что слышал, от собеседника Этлиль-Ка. – Перед тем как меня отправили на скит-гору спутника Хияк, я слышал разговор этого Этлиль-Ка и еще кого-то. И тот второй он сказал, что я даже не существо, а по структурной сложности генома, скорей всего, создание. Сказал, что у меня отсутствует ряд органов, костей скелета, мускулатуры, а жировая, соединительная масса в целом имеют особое строение непонятного ему вещества. И кровь моя наполнена вирионами, – однако я резко прервался, боясь досказать, то, что говорил тот второй дальше. Боясь, что коль об этом узнает Чё-Линг, то бросит меня тут и не отвезет к Ларсу-Уту.

– Да, его ясность, это также предположил, – успокаивающе сказал Чё-Линг и широко улыбнулся, явив желтые, широкие зубы, в центре каждого из которых переливались ярко-белые треугольный камень. – Предположил, саиб, что вы не человек, а нечто уникальное, абы обладаете способностями даятеситя. Да и коль, говорить откровенно, вы совсем не похожи на людской род, лишь общие данные, кои обаче присуще многим видам живых созданий и существ Веж-Аруджана, – добавил он, продолжая сверкать своими зубами и камнями в них, да ушах.

– Он тот второй, посему и не вынул из раны древко, сказал, что побоялся мне навредить, – дополнил я, ибо сейчас вот так возлежа на спине, почти и не ощущал той боли, только жжение.

– Вы уж потерпите, саиб. Днесь стемнеет, и мы войдем в град Верда, – протянул авитару, погасив улыбку и сияние камней в зубах, сведя вместе губы и, кажется, перестав ими шевелить. – А там я уверен за нами вмале прилетят. И то благо, что нас охранные системы перехватили вблизи от Верды, и поколь вы были без чувств, я вас донес до сего места. А тутоньки

ужо рукой подать до града, – продолжил он говорить, все также неспешно. – Но мы не станем рисковать, сейчас покамест отсидимся. Касаемо раны, так и добре, что лекари агисов вас не тронули. Уверен, вам сумеют помочь в Научном Ведомстве тарховичей. А там гляди-ка, ежели, его ясность, попросит и сам пречистый гуру осмотрит. Яснее ясного осмотрит, ибо его ясность скорей всего свяжется с Ананта Дэви, абы тот явно в вас заинтересован. А днесь токмо потерпите и все.

Я вновь кивнул, и, упершись ладонями в землю, принялся медленно подниматься, дабы сесть. Чё-Линг моментально подскочил на корточки, и, протянув ко мне руки, подхватив подмышки и спину, придержал, одновременно, помогая сесть и прислониться к широкому стволу дерева позади. И стоило мне усесться, как передо мной открылась очень даже красивая местность.

Мы, очевидно, находились на возвышение, пологим склоном, входившим в широкую долину, по центру которой протекала река с не менее поразительным сине-багряным отсветом воды. Множество плоских коричнево-черных ребристых крыш низких домиков укрывали саму долину, формируя местами, прямо-таки, плотные их сгустки, а порой разделяясь серыми полосами улиц. Синий небосвод местами еще был разлинован розовыми полосами, и потому легкий такого же цвета дымок вроде плыл над поверхностью земли, тут поросшей низкой, мягкой на ощупь, с красноватым отсветом травой создающей сплошной покров. Не высокие деревья с белыми стволами, ровно расчерченных продольными и тут оранжевыми полосами, имели широкую раскидистую крону, где ветви местами покрывали красные, короткие шипы, и мясистые багряные листья, такие длинные и узкие, висящие на значительном промежутке друг от друга, и только на толстых ответвлениях. Деревья густо росли по склону возвышения, спускаясь и в саму долину, впрочем, там, как-то сразу замещаясь домишками. В этом лесу пахло такой сладостью, словно цвело, что-то очень рядом, и негромко перекликались между собой какие-то птицы, выводя, то пронзительное тю... тю, то короткое, обрывистое цво... цво.

От этой ощутимой сладости внутри меня, так-таки, отозвался болью голода желудок, в нем не просто, что-то бурчливо заохало, но и пискляво взвыло.

– Есть хочу, – незамедлительно поддерживая то желание, молвил я, однако все еще ощущая слабость в ногах и руках.

– Потерпите, саиб, совсем чуточку, скоро стемнеет, – также скоро и явственно обеспокоенно сказал Чё-Линг, все поколь придерживая меня под спину. – Мы войдем в град, и я вас сразу накормлю и напою, – он это добавил с таким трепетом в голосе, да, наконец, выпустив мою спину из объятий и сам, сместившись вправо, сел подле, прислонившись к стволу дерева, возвышаясь надо мной своим не малым ростом.

Я приподнял голову, чуть косил глаза, рассматривая его новый образ, а, после, не скрывая собственной заинтересованности, ибо все время жаждал знаний, спросил:

– А куда ты дел свой защитный панцирь?

Чё-Линг слышимо усмехнулся, и, растянул в широкую улыбку свои полные, коричневые губы, одновременно, качнув мельчайшими желто-прозрачными камушками на коротких прядках усов свисающих с подбородка, неторопливо принялся пояснять:

– Я биоэлектромеханическое создание. Мой геном наполнен не только информацией биологически живого создания, в него вписаны электронные и механические компоненты. Таких, как я в Веж-Аруджане более не существует. Когда-то амирнарх Раджумкар Анга Змидра Тарх, возглавляющий Великое Вече Рас, создал нас таких пятерых и подарил представителям высоко развитых рас, как авитары. Мои собратья в ходе тех или иных событий, военных действий, стычек погибли. Я же достался в свой срок, абы был создан последним, Ананта Дэви, кой передал меня своему воспитаннику, его ясности, прабхе Ларса-Уту.

Глава десятая

Спустившись с возвышения в долину, мы остановились на краю леса, где позади в относительной темноте, или все же в отношении моего зрения черноте, стояли невысокие деревья, сейчас слегка покачивающие на себе длинные, узкие листья и поскрипывающие белыми ветвями, расчерченными оранжевыми полосами. Сгустивший краски, до черного с просинью, небосвод, кажется, наполнялся изнутри красноватыми продольными полосами, вроде его все еще освещала звезда Кизик.

До этого момента наполненный мощной переключкой лес, внезапно заглушил гомон голосов, шум, скрип и все неизвестные мне звуки, смолкнув.

Чё-Линг весь тот срок, несший меня на руках, днесь спустив, поставил справа от себя. Посему я смог разглядеть весьма скученно поместившиеся поперед нас бурые, деревянные стены домов, и тут, словно сотворенные из плотно сбитых между собой относительно гладких узких досок, смыкающих проход в град Верда.

– Ну, что саиб, вы сможете немного пройти? – спросил авитару и я уловил в его голосе неприкрытую тревогу, однозначно, он за меня беспокоился. Поелику это волнение было не только впервые мною прочувствовано, но и приятно, посему я повернул в его сторону голову, и, улыбнувшись, негромко ответил:

– Само собой, дойду. Я чувствую себя вполне сносно, только в спине жжет, и нос болит. А так все терпимо.

Он едва качнул головой, то ли кивнув, то ли вспять, таким образом, переживая за меня, и придержав меня под локоть левой руки, сошел с места. Потому и я торопливо шагнул вслед него. Мы неспешно миновали неширокую земляную полосу, поросшую той же мягкой, сплошной травой, и, вступив на каменную поверхность мостовой, направились к ближайшему строению. Пройдя как раз между ним и соседним, по сравнительно узкому проходу, где обе стены были собраны из деревянных досок. Да вскоре оказались на широкой улице меж двух порядков зданий, расположенных напротив друг друга. Наполненная приглушенным желто-голубым светом, льющимся из шарообразных приспособлений, висящих на тонких перетяжках (растянутых между соседними строениями) сама улица была вымощена ровным серым камнем. Стоящие двумя порядками постройки смотрелись небольшими, кособокими, а порой и вовсе кривыми, словно наспех собранными из досок. В строениях не наблюдалось окон, лишь низкие и узкие проемы, местами без дверей, лишь занавешенные серыми плотными кусками материи. Жилища теснились тут впритык друг на друга, а порой точно взбирались на крыши соседей. Возле стен зданий, как и в узких выбоинах самой дороги (где покачивалась зеленоватая водица), просматривался битый камень, остатки золы, черепки, древесная труха, шелуха и, словно перемешанные остатки пища.

Несмотря на ночное время, на улице наблюдалось множество всяких существ. Не только таких как Ачи, худых, покрытых серо-розовой шерстью с широкими, тонкими хвостами (впрочем, здесь по большей части одетых в распашные, длинные безрукавки), но и явственно людей. Если и отличимых от моих сородичей, то всего-навсего цветом кожи, коя у них была черной или коричневой с синеватым отливом, да топорщившимися (и вовсе редкостью) с подбородка узкими, длинными и весьма плотными бородками. Яснее ясного одетых не в звериные шкуры, а в легкие, чем-то напоминающие хилаи коредейвов, одежды и даже обутые в прикрепленные к ноге, тонкими веревками, деревянные подошвы. Здесь по дороге, грохотая, катили низкие повозки с сидением в виде валика, сразу на трех маленьких колесах, которые взявшись за оглобли, тянули люди. В повозках сидели по одному или два соплеменников Ачи. Впрочем, сами повозки, или точнее валики наблюдались такими низкими, что казалось люди, тянули за собой сидящих дорийцев, прямо по каменному полотну дороги.

Мы шли по проходу с Чё-Лингом, все время, прижимаясь к правой стороне улицы. Ибо повозки весьма быстро двигались по ее середине, а из-под их колес в разные стороны разлетались брызги вонючей воды. И авитару, неизменно ругаясь, старался выбрать более сухое место, так как я в отличие от него, не был обут и шлепал босыми подошвами стоп по прохладному на ощупь камню. Здесь вообще очень сильно воняло, так что я не только сморщил лицо, но и прикрыл ладонью нос. И хотя желал спросить о многом авитару, как говорится, не решился даже открыть рта. И то, хорошо, что мы шли не долго. Чё-Линг, однако, не редко останавливался, неторопливо оглядывал постройки, потому у меня создалось впечатление, он здесь бывал не часто. Всякий раз притом авитару слегка выпучивал вперед губы и гулко, что-то гыркал, видимо, опять ругаясь. Наконец, он, придержав меня, негромко сказал:

– Пришли. Саиб вы только молчите, прошу вас, – я еще толком не успел кивнуть, как он, развернув меня направо, ввел через проем (и вовсе ни чем не прикрытый) внутрь постройки. Помещение, которого имело округлую форму и опять собранное из досок, слегка лоснилось бело-оранжевыми полосами. Здесь ровными, деревянными были потолок и пол, а внутри стояло штук пять небольших круглых столиков подле которых поместились массивные стулья, только без спинок, на оных сидели люди, и дорийцы, да, что-то ели, пили из деревянной посуды. Низко свисали с потолка тонкие перетяжки, на коих висели колбообразные, небольшие устройства, наполняющие помещение желтым светом. А за массивной полукруглой, стыкующейся со стеной одним своим краем, стойкой стоял человек, с коричнево-синеватой кожей, в сравнение с Чё-Лингом невысокий, и, пожалуй, в росте уступающий даже мне, впрочем, с явно крепкими плечами и мышцастыми руками. Желтоватые, прямые волосы он стянул позади в длинный хвост, а скуластое его лицо с ярко-оранжевыми глазами и сизо-синими губами, сразу все дрогнуло, стоило нам с Чё-Лингом войти в помещение, как и качнулась его длинная, узкая и слегка переливающаяся борода (вроде в истоке и не имеющая волос вовсе). Одетый в красную без рукавов, длинную рубаху, он, очевидно, обслуживал стоящих возле стойки двух дорийцев, наливая из широкой деревянной узкогорлой бутылки им в округлые мисы, какое-то питье.

Впрочем, он сразу кивнул авитару и тотчас повел голову вправо, словно указывая на закрытую дверь, находящуюся в стене возле стойки. Посему Чё-Линг, едва сдержавший на входе собственную поступь, а с тем и мою, широким шагом направился к ней и на ходу сказал на языке дорийцев:

– Укутуа. Инуама, ингсамбу. Квай бич, – и тотчас толкнув вперед деревянную створку, склонив голову, сначала вступил сам в новое помещение, а после ввел меня. Только тут супротив только, что покинутого помещения царил тьма, однако и в ней я разглядел неширокий проход, заставленный с двух сторон дощатыми, горизонтально расположенными настилами, прикрывающими стены сверху донизу и лежащими на них бутылками, посудой, да маленькими свертками, точно обернутых в материю.

– Исанго икуба ягумба вула, – негромко протянул Чё-Линг, останавливаясь, где-то посередине прохода, и вновь толкая на языке на котором говорил Ачи.

И тот же миг справа от меня дощатые настилы, точно лопнув посередине, опустились вниз, слышимо заскрипев, и тем самым сдвинули в сторону саму стену, являя перед нами еще одно помещение. В коем, стоило нам только вступить, ярко засветились желтоватым светом висевшие под потолком на перетяжке колбообразные устройства. Позади нас слышимо и вновь скрипнуло, и, я, обернувшись, увидел, как стена, вроде тонкой двери, съехав вправо, сомкнула проем. Оставляя нас с Чё-Лингом в маленькой, квадратной комнатке без окон, и стоящим посередине широким и явно мягким, цветастым тюфяком (где мы могли разместиться вместе с авитару), словно захватившим своими массивно-выпирающими округлыми по краю формами треть комнаты. Тюфяк хоть и не имел ножек, впрочем, казался, явно приподнятым над полом. Темно-синяя его поверхность, слегка переливаясь на покатых гранях серебряной

нитью, по которой в свой черед было рассыпано множество более маленьких, круглых подголовий. Справа от той лежанки поместился просторный, кожаный и мягкий стул с высокой спинкой и низкими широко расставленными ножками (схожий с креслом), да коротконогий, семиугольной формы прозрачно-синий, столик, по рубежу ограненный фиолетовыми вставками. Три стены, кроме той, где располагалась дверь, были плотно обиты, как и пол мягкой, темно-синей полстиной с высокой ворсой. Так, что глянув на эту комнату, мне почему-то показалось, она тут нарочно оборудована такой мягкостью для Чё-Линга.

Восхитительный аромат пищи, наполняющий это помещение, наотмашь ударил меня по лицу, выбив из нее вонь, что правила в граде, а я, втянув его глубоко носом, ощутил, прямо-таки, рыкающую боль в желудке. Посему обращаясь к стоящему возле меня авитару прерывисто протянул:

– Почему так воняло в граде? – тотчас дополнив просьбой, – вельми хочу кушать.

– Да, саиб! сей миг, Найт, придет, и принесет еды, – отозвался Чё-Линг, и все еще не выпуская мой локоть из хватки, повел меня к тюфяку, по полстине в коей утопали, нежась, подошвы моих стоп. – А вы покамест прилягте на ложе, саиб, – мягко добавил он.

Авитару медленно и весьма бережливо развернул меня и усадил на тюфяк, лишь после того, как я оперся и руками о его мягко-упругую поверхность, выпустил меня из хватки. Он еще немного стоял напротив, своим немалым ростом, точно перехватывая на голову и стоящие торчком волосы, перетяжку с осветительными устройствами, а после, так-таки, опустился в кресло, обаче слегка, его развернув в сторону ложа и меня.

– Да, Верда, как и иные грады агисов и служащих им существ, человеческих видов весьма грязные и неухоженные, – наконец, пояснил Чё-Линг. – Сор выкидывают прямо на улицы, на мостовые выливают помой. Болезни, грабеж, убийства, продажа существ, людей, запрещенных и вредных веществ... Сие все тут можно встретить, как нигде в иных системах высоко-развитых рас.

– Я думал, на Риньяке живут эти... горнорабочие дорийцы, – произнес я и легонечко качнулся на ложе, вверх-вниз, – ну, эти оные, как Ачи был.

– Существа, вы хотели молвить, саиб, – молвил Чё-Линг и опершись на спинку кресла, ровно слегка ее наклонил, да тотчас выпрямил свои и без того длинные ноги. – Абы дорийцы, как и проживающие тут волоты, достаточно рослые и используемые тягловой силой в горных выработках, или ктоны строящие подземные укрепления, относятся к существам. Здесь проживает токмо два отдельных человеческих подвида, может вы заметили, у них разный цвет кожи. – Я торопливо кивнул, подтверждая, что заметил данную разность, а авитару уже продолжал, – дорийцы, обаче, имеют более высокий сословный статус. Ибо данные сословия различаются не тока физическими данными, но и профессией. Вже дорийцы в основном горнорабочие, а человеческие подвиды – торговцы, скотоводы и слуги.

Дверь внезапно чуть слышно скрипнула, и, отворившись, впустила, в комнату того, человека с коричнево-синеватой кожей и желтыми волосами, схваченными позади в хвост, стоявшего возле полукруглой стойки. Он теперь предстал передо мной в полный рост. Понеже я увидел, что одет он был не только в красную без рукавов, длинную рубаху, но и широкие штаны. И также заметил, что супротив людей Земли, не имел усов, бровей или даже их подобия. Впрочем, его чуть цокнувшая деревянной подошвой обувь, стянутая веревками на лодыжках, стоило ему только ступить на ворсистую полстину мгновенно погасила все звуки. Он принес в руках большую и точно плетеную из тонких веток корзину, да склонив голову, торопливо поставил ее сверху на стол.

– Хамба, ндизакуйнза, – очень грубо рыкнул Чё-Линг, когда человек снял с корзины плетеную крышку, видимо намереваясь достать оттуда принесенное. Впрочем, тотчас еще сильнее склонив голову и выгнув дугой спину, он прижал к груди крышку, да, не мешкая, развер-

нувшись, поспешил из комнаты, скрипящее закрыв за собой весь тот срок открытую дверь. Посему мы вновь оказались с авитару вдвоем в помещении.

– Агисы, обаче не больно отличаются от дорийцев внешним видом, – произнес Чё-Линг, словно и не было прихода человека, и наш разговор продолжался, впрочем, сам подался вперед от спинки кресла и принялся доставать из корзины еду. Необычайно приятный аромат, выпорхнул, будто из рук авитару, когда он достал из корзины большой сверток и положил его слева от меня. Чё-Линг с легкостью откинул сложенные друг на друга пласты материи, и запахнул передо мной, дотоль сокрытый внутри, большущий кусок красноватого мяса, порезанный на пласты, да какие-то круглые белесые, удлиненно оранжевые плоды.

– Кушайте, саиб, мясо, тошу и итапи, – дополнил Чё-Линг, убирая руки от еды и слегка переместившись, достал из корзины деревянную узкогорлую бутылку и две округлые деревянные и расширяющие кверху мисы, поставив их сверху на стол, да тотчас снял с него самую корзину на пол. Мне, обаче, не надо было второй раз указывать, так как мой желудок столь сильно заболел, что я, кажется, даже застонал. Посему я сразу схватил одной рукой кусок мяса, а другой круглый белесый тоши, сунув ко рту, и, пожалуй, что, не откусив, запихал их внутрь. Принявшись, давясь, не столько даже жевать, сколько глотать, ибо зубов у меня после посещения Хияки, или перелета к Риньяки, осталось совсем ничего, точно я их потерял, или сглотнул. Мясо впрочем, как и тоши (с очевидностью какой-то плод) были очень вкусными, сладковато-пряными. Потому я глотал еду, хватал новые куски и торопливо запихивал их в рот.

Чё-Линг весь тот срок, молчаливо сжимая в одной руке мису, а в другой бутылку смотрел на меня, с такой жалостью, и в его узких с желтыми радужками и всплесками сизого цвета глазах, ровно поблескивали капли слез или мне это только казалось. Он, наконец, отвел от меня взгляд, чуть качнув головой, и с тем растянул в широкую улыбку свои полные, коричневые губы, одновременно, кольхнув мельчайшими желто-прозрачными камушками на коротких прядках усов свисающих с подбородка, да очень ласково сказал:

– Саиб не спешите, я все равно кушать не стану. Это все ваше, а коль будет надобно, еще принесут. Ваша жизнь, чай, как я гляжу, была дюже голодной? – спросил он, и, преклонив бутылку, тем точно откупорив ее, налил в мису и явно себе зеленую на цвет жидкость.

– Ага, – не открываясь от пережевывания, отозвался я и схватил очередной кусок мяса и пресноватой на вкус итапи. Понимая, что наестся мне не удастся ни при каком случае лишь показать собственную прожорливость.

– Ну, ничего... все теперь для вас тяжелое закончилось, – молвил Чё-Линг, пристраивая бутылку на стол и вновь опершись спиной об ослон кресла, ровно прилег. – Знали бы вы только какое, его ясность, доброе и щедрое создание, – с особой мягкостью своего бархатистого голоса протянул он, и я, было, хотел кивнуть, но не стал, боясь подавиться очередным куском мяса. – Сама чистота, – и вовсе дыхнул авитару, и, поднеся к губам мису, сделал продолжительный большой глоток жидкости, кажется, выдохнув легкий парок из ноздрей. – Прощает такие огорчения, поступки за оные бы иное создание лишило жизни, – отозвался он точно из мисы, все еще не отрывая губы от нее. – Вот толкуя об этом Этлиль-Ка, знали бы вы саиб, что он когда-то был воспитанником его ясности. И тот его обучал мастерству даятеситя. А он, что? – авитару смолк, опустил вниз мису и взглянул на меня так, что под его внезапно ставшим гневливым взором, где в желтизне радужек вспыхнули сизые пятна, я почувствовал страх. Потому, перестав жевать, так и замер с полным ртом и сжатыми в руках кусками еды. Я, однако, маленечко кивнул, проявляя интерес и стараясь под ним скрыть ужас перед этим явно суровым созданием. Ведь Чё-Линг столь мощный, крепкий с легкостью мог меня лишить жизни или, что было сейчас для меня самым страшным бросить тут на планете агисов.

– Этлиль-Ка предал его ясность и убежал к агисам, днесь став его пресветлостью, и то благо для него, что не попытался, как иные три воспитанника убить прабу, – добавил авитару и вовсе раздраженно, да рывком опрокинул в себя остатки напитка из мисы.

– Убить, – процедил я сквозь сомкнутые губы, ужасаясь услышанному, ибо убивая не раз, боялся сего действия от себя больше всего. Одновременно, с тем вспоминая Ларса-Уту, его приятную для взгляда полноту, синие глаза и большие, толстые в нежной улыбке губы. Не представляя себе, как можно было попытаться не то, чтобы его убить, но даже ему навредить.

– Ага, убить, – ответил Чё-Линг, точно сказывая для меня и взглядом своих пылающих сизыми всплесками в желтизне глаз, одновременно, пугая меня. – Такие чокаши, тупые тынды были, – от этих его слов я и вовсе тягостно вздрогнул. – Были да сдохли, – процедил он сквозь зубы, и, ухватив бутылку, слегка наклонив, плеснул напиток себе в миску. – Я уверен и Этлиль-Ка также закончит, абы кто он, а кто его ясность, – продолжил он свои пояснения, и, наклонив бутылку сильнее, плеснул из нее жидкости в другую, дотоль пустую стоящую на столе, миску. – Да и эти агисы, тоже думают о себе много. А вот стоит прилететь сюда канцлер-махари, моментально головы склонят, забудут, что вас похитили, и прятали на Хияке. Да этот град Верда, помойка. – Чё-Линг прервался, устанавливая одной рукой бутылку на столе, а иной и как-то сразу подхватывая миску и опрокидывая себе в рот напиток, да теперь, с очевидностью, для меня выпуская из ноздрей приплюснутого носа белый парок. – Я его весь купил, как и иные на сем континенте, тут даже эфор, управляющий им, работает на меня. И эта комната создана по моему замыслу, ибо я порой бываю на Риньяке, приглядываю за Этлиль-Ка. Да и ярмарки тут случаются не плохие, можно пожить всяческими товарами, оные в любом ином месте не приобретешь. – Он хоть теперь и перестал слышимо гневаться, и пыхать в мою сторону глазами так, что я продолжил есть. Стал каким-то вяло-подвижным, почасту покачивая головой и, то вытягивая, то вспять подтягивая к себе ноги. И таким непонятным своим поведением пугая меня еще сильнее. Потому как мне казалось, толкуя об учениках Ларса-Уту и их смерти, ровно предупреждал меня. Может, уже зная, каким я на самом деле могу быть опасным и несущим гибель живым тварям.

– Вы, сайб, думаю, никогда не пили ничего крепче воды? – спросил меня авитару, и, поставив свою миску на стол, подхватив иную полную, протянул мне. – Попробуйте сей напиток, его называют в Веж-Аруджане бич... Он немного туманит восприятие, обаче снимает волнение, – доказал он и чуть качнул миску внутри оной пошел волной зеленый бич.

Я незамедлительно взял миску, свободной от еды левой рукой, и неспешно (боясь разлить) поднес к носу. Сперва, втянув в себя пахнувший дымком аромат, а после принялся пить приторно сладкий бич, едва покалывающий язык, неба и точно лишенные зубов десны.

Да только выпить я успел не больше пяти-шести глотков, как внезапно ощутил объявляющую меня слабость, точно сделавшей мои руки, спину, ноги, шею и, пожалуй, голову неспособными к восприятию. Уж не знаю, был ли мой взгляд туманным, промелькнул тот туман перед глазами. Но я неожиданно почувствовал, как дрогнули мои руки, удерживающие кусок мяса и миску с бичем, а потом меня резко качнуло назад. Вероятно, я упал на спину, и, почувствовав острую, жгучую боль в месте раны, то ли лишился чувств, то ли уснул.

Глава одиннадцатая

Я сидел тихо и неподвижно, упершись взглядом в коротконогий, семиугольной формы, прозрачно-синий столик, по рубежу ограненный фиолетовыми вставками, ощущая гудящую боль во всем теле, не только спине, руках, ногах, груди, но и голове. Жжение, перекликаясь с покалыванием, особенно сильно отзывалось в плечах, ладонях и носе, словно дотоль выпученный кончик на нем вспять прилег и так сильно растекся на лице, подперев сами глаза вверх, сделав наблюдение более расплывчатым. Многочисленные шелушащиеся и мокнущие серые пятна, пузырьки, внутри имеющие пурпурный отлив, серебристые узелки и жилки также ощутимо и зримо на моей коже набухли, а края их слегка отливали синевой. Ко всему прочему я дико хотел есть...

И, пожалуй, что выпил бича, который лишил бы меня чувств или разом отправил в сон.

Потому, как давеча пробудившись, и не увидев в комнате Чё-Линга, я запаниковал, попытался даже встать с ложа, но всего только сумел сесть, и замереть на нем. Стараясь, справится, или хотя бы привыкнуть к боли.

Внезапно дверь в стене напротив чуть слышно скрипнула, и, съехав в сторону,пустила в комнату авитару, и я несмотря на боль заулыбался. Я знал, что улыбка у меня уродливо-кривая, как и сам я весь, но сейчас не смог сдержаться. Уж так я был рад Чё-Лингу, ибо испугался, что он меня бросил... Тут, в очередной норе.

– Скверно выглядите, саиб, – прозвучал волной его голос, а желтые глаза внимательно оглядели меня, точно ощупали.

– Терпимо, – отозвался я, и, выдохнув прерывисто, словно изгнал из груди часть боли, оставив там лишь колотье. – Испугался, что ты меня бросил, – дополнил я, и глаза мои ощутимо наполнились слезами, собственной массой надавив на припухшие веки.

– Что вы, такое толкуете, саиб? как это брошу?! – протянул Чё-Линг и тотчас сошел с места, направившись к моему ложу. – Пошто так мыслите, не пойму? – добавил он, остановившись напротив меня, в шаге от ложа, слегка выгнул нижнюю, полную губу. Точно желал тем изгибом, поддержать меня, иначе не смог продемонстрировать саму улыбку.

– Ты не бойся Чё-Линг, я не стану нападать на его ясность, я не хочу его смерти, – торопливо проронил я, чувствуя как набухли и отекли мои губы. – Я не стану его предавать, и не буду таким, как Этлиль-Ка с бешеными глазами. Лучше сам сдохну, чем стану чокашем, – досказал я любимое выражение авитару и увидел, как уголки его губ, хоть он и не желал, вздернулись вверх, изобразив приятную улыбку.

– Я вас вчера, чай, напугал своими рассказами о воспитанниках его ясности, саиб? – спросил он и медленно опустившись на край ложа, уставился на меня своими желтыми, будто выпытывающими все глазами, или только располагающими к доверию. – Не хотел того, саиб, извините, – молвил Чё-Линг, а я почему-то созвучно его словам закачал головой. Сначала несогласно, потом согласно. – Это бич, затуманил мое восприятие, – он слышимо хмыкнул, точно пытаясь засмеяться, или едва сдерживаясь. – Да и вы, саиб, уж поверьте мне, ничего общего с теми чокашами не имеете, абы, как и в его ясности, в вас созерцается чистота.

– Нет, – торопливо выдохнул я и резко дернул взгляд от лица авитару, боясь, что он поймет, о чем могу затаенно думать и переживать. – Я не такой, как его ясность, и мне приходилось убивать, и я боюсь, что ты решишь...

Да только я оборвал свою речь, почувствовав, как из моих глаз (через припухшие уголки) просочились прямо на щеки капли слез, а изнутри ноздри наполнились слизью, намеревающейся покинуть нос, боясь еще сильнее зареветь и тем рассердить, или озадачить Чё-Линга. Он, однако, супротив моих страхов, внезапно протянул правую руку, обнял меня за плечи и привлек к собственной груди, очень мягко для собственного сурового вида сказав:

– Саиб, успокойтесь, прошу вас. Не надобно плакать. Да и не мне вас судить, касаемо ваших поступков в прошлом, ибо, судя по вашей жизни, вам еще, как досталось. Обаче ноне мы должны подумать о том, как нам скорей оказаться возле его ясности, чтобы помочь вам в излечении. Або вы саиб от боли всю ночь вельми стонали, страдая. – Он обнимал меня очень аккуратно, лишь обвив правой рукой мою спину, и возложив на свою грудь мою голову, точно боялся каким неосторожным движением доставить мне еще большей боли, посему я сразу прекратил плакать. – Поколь вы спали, я встретился с местным эфором, сие должностное лицо в граде Верда. И он мне доложил, что на систему Филеи в полночь была наложена временная обсервация, сие комплекс мероприятий предупреждающих распространение вирусных инфекций за пределы находящегося очага. А это значит, что ни одно судно не сможет покинуть или войти в систему Филеи, – я сидел тихо, прижимаясь к авитару, и в целом мало, что понимал из им сказанного. – И яснее ясного, что в таком случае виомагаму канцлер-махари не позволят войти в систему Филеи, даже ради вас, саиб. – Он вновь прервался, видимо, осознав, что мое молчание вызвано недопониманием, а посему слегка отстранив меня от себя, взглянул сверху вниз и только после того как зафиксировал взгляд своих желтых глаз на мне, досказал, – это значит, саиб, что канцлер-махари не прилетит на Риньяку, и не сможет нас забрать. Однаже сие также может быть лишь провокацией, под коей богдыхай Багланбехзал со своими сподручниками всего-навсе пытается выведать, где мы с вами затаились. В любом случае нам здесь нельзя оставаться, поелику в мале сподручники богдыхая решат прозондировать, сей континент, на выявления отличительных компонентов информационных кодов, оные, вероятно, взяли у вас.

Я шмыгнул носом, окончательно втягивая в себя имеющуюся там слизь, и, наконец, осмыслив все сказанное Чё-Лингом, также, не сводя взгляда с его словно пенящихся внутри радужек сизых полос, а потому смыкающих и сам желтый цвет, спросил:

– И куда нам деваться? – да самую толику качнулся от волнения, ощутив слабость по всей поверхности спины. И то хорошо, что рука авитару, придерживающая меня за плечо, не допустила моего значительного колыхания, а потому и падения.

– Днесь мы по кудлулу, подземной галерее, отправимся в горный район, – незамедлительно заговорил он, да с таким напором в котором ощущалась его уверенность, знания и смелость, моментально вдохнувшие и в меня спокойствие, посему я вздохнул ровнее. – И покамест не наложен запрет на перемещение меж материками, в ночь улетим на клопе, небольшом маневренном судне, каковое мне приведет эйфор, на континент Лакия.

– Это где живут агисы? – негромко спросил я, ибо мне вдруг стало не понятно, зачем попадать из одного сложного положения в другое, пожалуй, что не менее неприятное. Оказаться, так сказать, и вовсе на территории тех, кто меня и искал.

– Просто в центральном граде агисов Чьётане днесь находится сам верховный правитель людоящеров, большой друг его ясности Ларса-Уту, – все с той же поспешностью пояснил Чё-Линг, словно боялся, что я откажусь от его предложения. – Это мне также сообщил эйфор. А поелику, не важно, наложена на систему Филеи временная обсервация или сие токмо уловка богдыхая, нам, непременно, помогут. Стоит всего-навсе попасть на территорию, а именно влигпоте верховного правителя людоящеров, и нам боле ничего не грозит. – Он снова прервался, легонечко пожал мое правое плечо своей широкой ладонью и, кажется, сразу шестью пальцами, а, после, упреждая мои возможные вопросы, дополнил, – в любом случае, коль действует временная обсервация на Филеи, за исполнением мероприятий предупреждающих распространение вирусных инфекций будут следить сотрудники Научного Ведомства тарховичей. И ежели мы попадем на Лакию я свяжусь с тарховичами и они нам также помогут. Днесь наша скорейшая встреча с его ясностью лежит на континенте агисов. А тыперича подымайтесь, саиб. Я вам помогу одеться, обуться и мы уходим, поколь есть время.

– А кушать? – беспокойно спросил я. И тотчас на себя обозлился, ибо авитару старался нас спасти, а я только и мог, что думать в такой момент о еде... Представляясь самому себе прожорливым человеческим подобием, все же вряд ли созданием.

Чё-Линг, впрочем, не обозлился, а едва усмехнувшись, и, выпустив мою спину из объятий, поднялся с ложа на ноги. Он самую толику кивнул мне, поощряя подняться и меня, а потом добавил:

– Да, я указал своим людям, дабы они собрали нам в дорогу корзину с едой. Понеже поколь будем ехать по кудлулу, вы сможете покушать мясо, тошу и итапи.

Я хотел у него попросить еще и взять с собой бич, но в комнате скрипнула и съехала в сторону створка двери, впустив того самого человека с коричнево-синеватой кожей и желтыми волосами, схваченными позади в хвост. Он вошел в помещение, неся в руках небольшой сверток одежды, сверху на котором стояла обувь, подобная той, которая наблюдалась у него на ногах, и тотчас склонив голову, торопливо направился к ложу, на ходу сказав:

– Зонке илунгиле, саиб, – положив принесенное, как раз передо мной.

– Фретс, – резко отозвался Чё-Линг и мотнул головой в сторону двери, точно указывая обратиться из комнаты человеку, вроде он его раздражал всем своим видом. – Поднимайтесь, саиб, – уже много мягче и с почтением, обратился он ко мне, стоило только человеку, проскользнуть мимо него и пропасть за сомкнувшейся створкой двери. – Уже все готово, не будем тянуть... А то мне, кажется, сие никакая на Филеи не временная обсервация, а лишь уловка, оную замутил богдыхай, поколь сюда не прибыл канцлер-махари. Поелику нам надобно скорей убраться из сего града и, как итог с континента.

Меня, впрочем, второй раз не нужно было уговаривать подниматься, так как этого богдыхая я уже и сам боялся, а его непонятных действий, которые могли меня выдать, еще сильнее. Посему я торопливо прополз по ложу, и, спустив с него ноги вниз, оперся подошвами стоп о пол, да поднялся. Чё-Линг, не мешкая, слегка склонился, и, ухватив рубаху на мне за подол слегка потянув ее вверх, снял через голову, да едва бросил на меня взгляд. А бросив его тотчас замер... Как замер и я...

Вновь ощутив себя неполноценным... уродом...

Ибо отсутствие детородных органов опять делало меня отличным от человеческого рода. И почему они только решили, что я мальчик, не девочка было мне не ясно. У меня и вообще не имелось какого-либо отдельного отверстия для выделения мочи, и в целом никогда не было мочи. А все выделения производились через клоаку.

Я резко опустил руки вниз и прикрыл ладонями собственный живот, почувствовав, как от огорчения на мои глаза вновь навернулись слезы.

– Это... я... это, – всего только и прошептал я, едва шевельнувшись губами, а слезы выскочив из глаз двумя потоками, скользнули по моим щекам вниз, к линии подбородка, задержавшись на его краю.

Чё-Линг тотчас, точно пробудившись, кинул рубаху на пол и ровно не склоняясь, схватил с ложа широкие коричневые штаны, разворачивая их, да сунув их в мою сторону, сместив взгляд в сторону, сказал:

– Давайте, саиб, просовывайте ноги в штанины.

Меня все еще покачивало, поколь я надевал штаны, кои Чё-Линг закрепил мне на стане тонкой веревкой, а после и красную без рукавов, длинную рубаху. Впрочем, когда он опустился передо мной на колени и принялся обувать деревянные подошвы, обхватившие веревками лодыжки, молвил:

– Не лучшие сандалии, для вас, саиб. Обаче, так-таки вы не босоногий. А касаемо того, что я увидел. – Он теперь приподнял голову, глянул на меня так, что я громко хлюпнул носом, и добавил, – сие еще одно подтверждение, что вы создание, саиб. Абы потомство от вас будет обеспечиваться не путем полового характера размножения, а бесполого.

– Да... – тихо произнес я, переставая под легким кивком головы авитару лить слезы и успокаиваясь, абы, как оказалось с его слов, он не считал это уродством.

– Да, сайб, и не надобно больше плакать, – продолжил он, стягивая мне узлом на лодыжках ремешки от сандалий и поднимаясь. – Ибо я также не заметил рубца у вас на передней брюшной стенке, остающийся у всех человеческих видов и существ после удаления пуповины новорожденного. Сие может, значит лишь, что вы и впрямь удивительное создание, кое либо развивалось по особенному внутри чрева матери, либо обладаете днесь какими-то особыми способностями.

Чё-Линг меня совсем успокоил своими заумными толкованиями так, что я утер со щек остатки слез, вновь хмыкнул носом, подбирая в нем слизь, и, пожалуй, что улыбнулся. От всего только, что пережитого или оттого, что меня однозначно не стали сравнивать с уродом, у меня даже уменьшилась болезненность в теле, не только спине, руках, ногах, груди, но и голове, ушло жжение и покалыванием в плечах, ладонях и носе. Лишь осталась нылое давление в месте раны, точно указывающее, что рубец на передней брюшной стенке у меня когда-то так же плотно затянулся.

Глава двенадцатая

Уж и не знаю, сколько мы ехали по куддлулу в низкой повозке, где довольно-таки жесткое сидение в виде валика и не имело как таковой спинки, и кою тянул за оглобли человек. С коричнево-синеватой кожей и короткими, взъерошенными нежно-желтыми волосами. Одетый всего только в короткие черные штаны, без обуви, он был столь силен, что с легкостью тащил за собой повозку, да не просто шел, а, опять-таки, бежал.

Мы вошли в куддлулу, то есть подземную галерею, через помещение прохода здания, где ночевали, всего-навсего сдвинув настилы, прикрывающие стены сверху донизу только уже с иной его стороны. А войдя в туннель, увидели достаточно широкий рукотворный проход, стены и закругленный свод которого, весьма широкие и высокие в размахе, имели чешуйчато-слоистый вид, с чередующимися от темно-зеленого до черного цветами. Более ровным там казался пол (также чередующий цвета), хотя его ухабистость стала ощущаться сразу, стоило только нам залезть на повозку и проехать совсем чуточку. Так как три колеса мощно грохотали, отзываясь эхом от стен и потолка, да ровно улетаая в оба конца, а мы с Чё-Лингом также яростно подскакивали на сидениях, вверх и словно падали сразу на пол (уж такими те повозки ощущались низкими).

И каждый раз притом, приземляясь, я громко, болезненно охал. Это, несмотря на то, что авитару крепко прижимал меня к груди, оберегая вроде какую ценность, да вельми часто кричал на человека свое любимое «чокаш», приправленное каким-то, видимо, местным и не менее обидным «фреак». За время нашей поездки я успел поесть и даже опять поспать. Я, было, хотел попросить выпить бич, ибо видел, что в стоящей у нас в ногах корзине, есть бутылка, но почему-то не решился, а Чё-Линг мне не предложил. В туннеле стоял жаркий и спертый кислый воздух, посему порой, когда человек прибавлял в быстроте, сия неприятность словно обжигала крылья моих ноздрей, неизменно, в таком случае, прерывая дыхание, посему я начинал дышать ртом.

Днесь после пробуждения, прижимаясь спиной и головой к груди Чё-Линга, насколько хватало обзора, я оглядывал стены, потолок и пол столь неизменной по виду чешуйчато-слоистой куддлулу, будто частью снятой заостренным инструментом, а потому и оставившим на поверхности, неровные пластинки порой расположенные взакрой. Я также поглядывал на впряженного в оглобли повозки человека, не снижающего собственный бег и вельми вымокшего так, что пот катил не только по его спине, но и смочил материю штанов. В туннеле явственно было темно, ибо не наблюдалось какого-либо освещения, того, который имелся в граде, али помещениях, что естественно не уменьшало лично для меня видимость.

– А, что этот человек видит в темноте? – наконец не выдержав правящей в подземной галерее относительной тишины, нарушаемой всего-навсего топотом ног человека и грохотом повозки, поинтересовался я. Ведь люди на планете Земля в темноте были слепы, и я не понимал, как ориентируется тут он.

– Да, он относится к сословию умкхубе, каковым искусственно видоизменяют строение глаз, и они неплохо видят в темноте, – отозвался Чё-Линг, и слегка склонившись, ровно постарался заглянуть мне в лицо. – Хотите сказать, сайб, вы тоже хорошо видите в темноте? – спросил он, а я не ответил, лишь усмехнулся, затылком ощущая легкое покалывание принятое им, кажется, от прерывистого дыхания авитару. – Вы неподражаемы, сайб... Коли о ваших способностях и строение узнал бы главный дхисадж тарховичей, не пришлось нам ноне тутова волочиться в повозке. Ужель-ка планета Риньяка была наполнена сотрудниками Научного Ведомства тарховичей, абы и так ясно, вы нечто уникальное и каким образом появились в Солнечной системе не понятно. Может вас кто-то украл и спрятал там, кто знает.

– Нет, меня родила моя мать, человек, – негромко ответил я, и отрицательно качнул головой, – это мне точно ведомо. Иначе бы меня люди не приняли. Они меня изгнали от себя, стоило тока родителям умереть.

– Знаете, саиб, сие не ясно, – вновь процедил он, теперь вскидывая голову и устремляя взгляд вперед. – Может это токмо вашей матери внушили, что она вас родила. Может вас выкрали и, таким побытом, спрятали до поры до времени. Обаче это тока мои предположения не больше...

Чё-Линг внезапно осекся, словно сказал мне, что-то лишнее или это лишнее подумал. А под его ногами неожиданно подпрыгнув, чуть не перевернувшись большущая, овальная корзина, благо он успел ее поддержать правой лодыжкой. А я вновь подумал, что от такой трясушки может разлиться из бутылки бич, залив своей приторной сладостью большущий кусок мяса, не доеденные остатки тоши и итапи.

– И я все время хочу есть, – дополнил я собственные воспоминание о еде и вечном изнывающем голоде, преследующем меня даже при даятеситя, когда я являлся сознанием.

– Сие потому как вы толком не ели, – заметил авитару, и мне показалось он пытается уйти от разговора и далее не хочет распространяться о том, кто я, может потому, что уже догадался. Я даже открыл рот, дабы продолжить прерванный разговор, но он неожиданно сказал, – сей туннель пробили ктоны, их тоже относят к существам. Они проживают в горных районах, управляют волотами, и сотрудничают с дорийцами в делах добычи важры, самоцветного и очень дорогого камня, тяперича наравне с самородными пластинчатыми платиновыми полосомами используемого, как контрибуционная плата, то есть, как эквивалент стоимости товара и средства платежа в Веж-Аруджане. Поелику агисов и вывели в высокоразвитые расы, по причине того, что их система обобщенно наполнена важрой.

Чё-Линг смолк и наблюдаемо для меня качнулись на коротких прядках его усов, огибающих полные, коричневые губа и спускающихся к подбородку, мельчайшие желто-прозрачные камушки. Впрочем, озвученным он и впрямь отвлек меня от разговоров о моем рождении. И так как любознательность была моей натурой, я, немедля решив уточнить, спросил:

– А почему на Земле живут только человеческие виды, а тут на Риньяке, и люди, и существа, и создания?

– Агисы, это те же дорийцы, по внешним данным, всего-навсе разнятся цветом шерсти, отсутствием хвоста, – отозвался Чё-Линг, и, бархатность его голоса увеличилась, точно он, смягчившись, обрадовался, что я сменил тему разговора. – Поелику нельзя сказать, что они создания, абы по сути, как были существами, так и остались. Люди на Риньяке не жили, как и волоты, их сюда в свой срок завезли. А кнотам Риньяка родная планета, абы они тута развивались весь срок. Чаще обычного жизнь в системе подсаживают высокоразвитые расы, тем али иным способом, и по обыкновению тем занимаются тарховичи. Занимались и днесь занимаются.

Он говорил неторопливо, а я, внимательно слушая его, неотрывно смотрел вперед, где внезапно показался закругленный конец туннеля. Так точно тот, кто его делал, так-таки, не смог пробить грунт, потому лишь сбил почву складчатыми пластами, создав нечто напоминающее ступени лестницы. В потолке этого прохода стал также наблюдаться круглый просвет, не только впускающий внутрь слабые с розоватым отсветом лучи Кизика, но и дающий возможность покинуть саму кудлулу.

– Понеже токмо они решают, кого поселить на той или иной планете, в системе, каким побытом предоставить развитие человеческим видам, существам, – продолжал Чё-Линг меж тем неторопливую свою мольвь, и каждый раз ровно вздыхая, покачивал мою голову на собственной выпуклой груди. – Путем обыденного естественного отбора, когда выживание того али другого вида происходит вследствие изменения генома. Или посредством вмешательства в сие развитие иль тот самый геном выбранного вида.

Авитару как-то разом смолк, точно не столько завершил свой рассказ, сколько чем-то заинтересовался. Посему я слегка приподнял голову, уперся затылком в грудь и сквозь выемку в центре его подбородка попытался рассмотреть, что привлекло внимание Чё-Линга.

– Там в потолке выход, – протянул я, подумав, что именно сей просвет заинтересовал Чё-Линга.

Тот немедленно дернул вниз свою голову, въехав округлым подбородком себе ровно в короткую шею, его желтые глаза пересеклись с моими взглядами и я увидел как там, прямо-таки, запульсировали сизые полосы. И тотчас заодно вздрогнули, сверкнув желтым сиянием, камушки в коротких прядках его усов и точно в собранных подобных прядках густых бровях.

– Обаче, – произнес нескрываемо озадаченно авитару и полные коричневые его губы растянули в широкой улыбке. – Вы еще саиб и вельми далеко видите, абы даже я еще не узрел сей выход.

– Вижу даже пятую планету Солнечной системы, будто разлинованную темными и светлыми полосами, оные на самом деле облака, – торопливо пояснил я, разворачивая голову и смеющая взгляд с лица Чё-Линга. – Еще я видел кольцо, возле сей планеты, хотя оно в сравнение с кольцами с шестой планеты Солнечной системы вельми тонкое. И яснее ясного спутники пятой планеты, там их очень много, – дополнил я, бахвалясь тем, чем обладал, и что не считал уродством, а всегда преимуществом, даже будучи на Земле, – токмо я вижу не постоянно так хорошо, лишь эпизодически.

– О, саиб, вы просто неподражаемы, – отозвался авитару, и я уловил в его бархатистом голосе нежность, видно, он и впрямь мной восхищался, как нечто ценным и на радость попавшим в его руки, которое он никогда бы не выпустил.

Человек внезапно с небыстрого бега перешел на, прямо-таки, скорый, сделав сие таким резким рывком, что я вновь подпрыгнул на сидение повозки, а внутри меня в спине жгуче дернулся наконечник, точно пытаюсь пробить дыру и покинуть мое тело. От той неожиданности и боли, я громко вскрикнул, и, дернув голову назад, врубился затылком в грудь авитару. Тот торопливо прижал меня правой рукой к собственной груди, зафиксировав меня на себе и не менее громко, да слышимо фыркая, крикнул:

– Карефул, чокашь!

Посему уже в следующий миг человек снизил быстроту бега, а мое подпрыгивание на сидение и вовсе прекратилось. Лишь осталась тягучая боль внутри спины, растекающаяся во все стороны по ее поверхности.

– Очень больно, саиб? – беспокойно переспросил меня Чё-Линг, я, впрочем, не ответил, всего лишь кивнув. Абы говорить после испытанного не захотелось.

Я еще толком не избавился от боли, когда человек степенно снижая быстроту бега, перешел на шаг, а после остановился вблизи от широких ступеней лестницы, завершающих кудлулу, и ведущих наверх к широкому лазу. Здесь слегка понизился уровень потолка, а сам он, как и стены, наблюдались и вовсе неровными пластинчатыми слоями грунта, хоть и вельми твердого, все же просматривающегося едва снятыми или не доделанными. Цвета тут, пусть даже, и, чередовались от темно-зеленого до черного, но в отсвете розовых лучей (вплывающих сюда от звезды Кизик) придавали им более яркие и насыщенные тона, создавая в этом участке туннеля точно переливающиеся отдельные чешуйчатые слои. А из самого лаза, и впрямь вроде вырубленного снаружи, а посему смотрящегося угловато-неровным, на меня дыхнул прохладно-свежий воздух. Посему я задышал через нос и более глубоко. Ворвавшийся в туннель воздух принес на себе, опять же, аромат чего-то цветущего и словно сладковатого, отчего я опять вспомнил о еде.

Чё-Линг слегка отстранив меня от себя, развернувшись, спустил ноги на пол, да с легкостью поднялся. К моему удивлению, въехав пролегающим по голове узким вертикально стоящим гребнем волос в потолок. Он немедленно протянул ко мне руки, подхватив подмышками,

и ровно ребенка сняв с повозки, поставил рядом. Лишь после этого слегка качнул своим широкими плечами, на которых зримо шевельнулись выпирающие мышцы. Я в отличие от авитару не рискнул чем-либо шевелить, тем паче плечами, боясь, что боль в спине вновь повторится, или опять же заболит нос. Ибо там, как и в целом на лице, теле, кожа представлялась мне источником какой-то одной большой боли.

Чё-Линг между тем наклонившись, достал из повозки корзину с остатками еды, и широкий валик, весь тот срок служивший нам сидением. Только после этого шагнув вправо, обошел меня и уложил валик около стены, создав и там небольшое сидение, токмо теперь с невысокой спинкой, возле которого поставил корзину. Да весьма глухо, с каким-то рокотанием, а может всего только недовольством авитару обратился к человеку, замершему на месте, склонившему голову, да так и не выпустившему из рук оглобли повозки:

– Умва.

Не знаю уж точно, что он там ему сказал, но человек внезапно вскинул голову и резко толкнул назад руки, а вместе с тем оглобли и повозку. Поелику, коль до сего момента в туннеле плыла относительная тишина, с легким стрекотом какого-то насекомого и шорохом, то стоило повозке двинуться вспять своими тремя колесами по неровности пола, послышалось дробное грохотание. Человек, впрочем, развернулся лишь тогда, когда вытолкал свою повозку дальше того места, где я стоял. Он прошел мимо меня, еще сильней склонив голову, колыхнув своими короткими, взъерошенными волосами, вопреки относительно грязным, полосчатым штанам и стопам ног, сохранившим свой нежно-желтый цвет.

– Очевидно, помылся, допрежь нас везти, – внезапно молвил Чё-Линг, стоявший шагах в трех от меня. Я торопливо дернул в его сторону голову, и удивленно взглянул на авитару, не понимая, каким образом он услышал мои мысли. Чё-Линг тот срок наблюдающий, как человек разворачивался, а после, сразу перейдя на бег, направился по туннелю прочь от нас, обаче, лишь мгновение спустя перевел на меня взор, и слышимо усмехнувшись, пояснил:

– Вы молвили сей вопрос вслух, саиб, пожалуй, того и не приметив.

– Ага, – отозвался я, оно как знал, что разговариваю сам с собой почасту. И видно того не всегда примечаю.

– Саиб, – добавил Чё-Линг, и качнул головой в сторону сидения-валика. – Вы покамест присядьте тутоньки и покушайте, а я схожу, осмотрюсь. Найду клопа, абы эйфор его ужель должен был пригнать, и коль он на месте, вернусь за вами, да мы улетим.

– А если ты не вернешься? – испуганно спросил я, и резко шагнул в направлении авитару, намереваясь отправиться с ним.

– Как это не вернусь? – переспросил меня Чё-Линг и совсем чуть-чуть качнул головой, пройдясь и вроде огладив своим взъерошенным гребнем поверхность потолка подземной галереи, с очевидностью, не понимая, о чем я толкую. – Да, что вы, саиб, заладили... брошу я вас, брошу... Что я чокашь, тында тупая, бросить такую ценность. – Он, незамедлительно, повернулся ко мне, и, опустившись на одно колено, очень бережливо положил свои ладони на мои плечи, протянув, – саиб, вы должны осознать, таких, как вы не бросают. За них платят огромную контрибуционную плату, и сие токмо за един диэнцефалон... В вашем случае, неподражаемы вы весь сам, не тока ваш диэнцефалон. Понеже прекратите, что-либо бояться. Я вас точно не брошу, напасть на меня туова себе вряд ли кто позволит, а коль и позволит, со мной не так просто справиться. Вмале мы окажемся с вами на континенте Лакия в центральном граде агисов Чьётане, оный одначе лежит не в центре материка, а на его окраине, а там уже рукой подать до помощи верховного правителя людоящеров али тарховичей. – Он теперь кивнул, и его коричневые полные губы раздались в широкой улыбке, полыхнув ярко-белыми треугольными камнями, поместившимися в центре его желтых, ровных зубов, – все будет благополучно, вы только не бойтесь, лады? – переспросил он, и я в ответ ему кивнул. Потому как ответить не решился, боясь, что скажу нечто опять сопливое или трусливое.

Чё-Линг разком испрямившись, убрал руки с моих плеч, да тотчас, точно привык действовать молниеносно, развернулся и шагнул в сторону ступеней, на ближайшую из них, одновременно, склонив голову. Он делал каждый шаг скоро, переступая со ступени на ступень, отчего мне показалось, саму лестницу выбили нарочно под его рост, вряд ли рост человека или существа. И поколь авитару подымался по сим ступеням, я, медленно отступив назад, прижался к стене. Впрочем, я так и не присел на созданное сидение, лишь неотрывно смотрел, как фигура авитару пропадает в лазе, оставляя меня одного в кудлулу, и тем, наполняя волнением и страхом.

Я какое-то время все еще стоял неподвижно, наблюдая за растворившимся в розовых лучах лаза Чё-Лингом, а его поступь словно слилась с легким гулом грохотания долетающего из туннеля от стучащих по полу колес повозки. Ощущение, что меня бросили сейчас стало таким страшным, что само собой на глаза навернулись слезы, а в шмыгнувшем носу почувствовалось зудящее нытье, будто мне пред тем по нему надавали. Я медленно поднял руку и принялся ощупывать сами ноздри пальцами, ощущая подушечками, что кожа крыльев истончилась до едва приметной пленочки, внутри которой, пожалуй, если, что и осталось только одна жидкость.

Внезапно позади ощутимо дрогнула стена, точно качнув на себе меня. Я и без того испуганный, не мешкая, замер, опустив руки вниз и уперев сами пальцы и ладони в поверхность стены, вновь приняв на себя, какой-то легкий гул или топот. Да только сей гул не шел от убежавшего по туннелю человека и его повозки, и не принадлежал Чё-Лингу. На удивление, это было нечто иное, ранее мною не испытанное.

Посему я торопливо отступил от стены, развернулся и принялся ее оглядывать, а после и ощупывать. Да только ее неровное с множеством выпуклостей и ямок полотно, еще и ощутимо чешуйчато-слоистое, лишь легонько поигрывало яркостью собственных тонов. Все, также вжимая в ее поверхность собственные ладони и пальцы, я медленно двинулся влево, в сторону противной выходу, не столько даже оглядывая, сколь прощупывая. И к собственному изумлению ощущая под кожей рук, тяжелый топот, идущий будто от самой стены или возможно того, что было расположено за ней.

Топот то увеличивался, то уменьшался, порой становясь и вовсе каким-то дребезжащим. И все мне казалось, кто-то там за стеной раскатисто вздыхал, каждый раз топя по полу, а может и ударяя. Таким побытом, я прошел не мало, удалившись не только от корзины, ступеней и лаза, но и вновь войдя в темную часть туннеля, когда внезапно моя левая рука провалилась в узкую брешь в стене, очевидно, сквозную. Ибо отступив в сторону и опустив руки вниз, увидел, словно наклоненную левую часть стены не столько даже треснувшую (а потому отошедшую), сколько вроде нарочно прорубленную в виде очень узкого хода. Сама брешь, с неровно высеченными черными стенами, была не больно длинной и завершалась таким же узким лазом, из которого ясно созерцалось голубоватое свечение, ровно там за ним, что-то ярко пылало. Из самого прохода теперь ощутимо слышался низкий, тяжелый топот и вроде оханье, а к спертости туннельного воздуха добавился горьковатый чад, чего-то сожженного или палимого.

Любопытство, то кое меня всегда и везде вело, и тут взяло вверх над правящем во мне страхом. Потому я, толком не обдумывая, торопливо ступил ближе к щели, и так как она оказалась вельми узкой, повернулся в отношении нее левым боком, принявшись протискиваться вперед. Абы я именно стал протискиваться. Ведь щель по мере моего неторопливого шага по ней, и ее неровному с множеством выступов полу, ощутимо сужалась. Неравномерные с множеством бугров и шипов стены, хоть и просматривалась в виде грунтовых пластов, болезненно врезались мне в спину, а то и лицо, однако я, сдерживаясь, не стонал. Ибо, завороженный, смотрел в разворачивающуюся передо мной пещеру, откель слышалось лишь раскатисто-свистящее дыхание, точно какой установки. Да только я, кажется, перестал слышать

и сами звуки, сосредоточив взгляд на самой значительной пещере, с высоким округлым сводом, поддерживаемым металлическими дугами, сложенными внахлест, и, видимо, достаточно широким. И хотя я не видел две боковые стены, смог наблюдать стену напротив моего лаза. Она была, однозначно, неровной, будто и тут вырубленной, и смотрелась в виде отдельных широких полос ярко сияющих и сменяющих сверху донизу цвета синий, зеленый, желтый, на стыках и вовсе создавая фиолетовый. Видимо, потому как все эти четыре цвета сразу легонечко трепетали и с тем отражались от значимо гладкого, серебристого свода или черного пола в самой пещере плыла та самая голубая дымка свечения. Не знаю даже каким мог казаться свет в пещере для людей, но для меня он зараз перемещал множество мельчайших оттенков, лежащих в пределах от желтого до темно-фиолетового, посему стало сложным сосредоточиться на отдельном его сиянии.

Я, наконец, вырвался из щели, и, ступив в самую пещеру, лишь качнул головой вправо и влево. И тем самым, заметил, что с одной стороны она вскоре завершается стеной с такой же яркостью красок, а с иной уходит вдаль, постепенно снижая собственную высоту свода, вроде частью теряя там насыщенность полос, оставляя их более темное свечение. И уже в достаточном удалении от меня стена опять поддерживалась какой-то металлической конструкцией с тремя, горизонтально расположенными друг над другом, площадками, удерживаемыми отвесными столбами, вельми широкими в обхвате.

Только я рассматривал саму конструкцию совсем нечего времени, ибо внезапно справа от меня, что-то слышимо загудев, топнуло. Я тот же миг повернул голову и увидел шагах в ста от себя, внезапно точно отделившееся или отошедшее от стены огромное существо. Пожалуй, что в двое превышающее рост Чё-Линга, а посему возвышающегося там большущей горой. Все тело того существа, с двумя длинными широко расставленными руками, короткими и очень толстыми ногами, было перевито выпирающими, ребристыми с множеством тугих узлов мышцами, ровно они и вовсе проходили не под кожей, а пролегли сверху. Слегка сплюснутая в районе макушки, а потому удлиненная в части скул, голова его клонилась вниз и создавала на спине невысокий, отложистый горб. В свой черед голова существа обильно заросла косматыми с красноватым оттенком волосами, кои покрывали лицо, шею, но и спускались ему на впалую грудь в виде узкого лоскутка. Из косматости, оную создавали на лице волосы, просматривались только один раскосый, черный глаз, прикрытый красноватыми веками (расположенный вроде в районе лба) и выступающий кончик мясистого носа, поместившийся прямо под ним. Цвет кожи существа смотрелся желтовато-красным, и тут чешуйчатым или только неровным в силу мышц, который точно сливался с единственной одеждой на нем, а именно узкой набедренной повязкой обмотанной вокруг бедер и закрепленной на выступающем животе веревкой. Разутый и тут с широкими стопами и размашисто расставленными короткими пальцами, он внезапно переступил с ноги на ногу, вызвав тот самый топот, слегка встряхнувший меня на полу пещеры, а после развернулся в мою сторону. Его голова немного качнулась вниз и взгляд единственного, черного глаза уставился на меня.

Еще мгновение тишины...

И существо внезапно громко взвыло, притом слегка присвистнув. И это прозвучало столь устрашающе, что я сразу понял, сейчас меня убьют. Ибо существо здесь поставлено охранять территорию, в каковую я неразумно вторгся. И стоило мне это осознать, как я не менее громко закричал. Уже, и, не надеясь, что придет в помощь Чё-Линг, просто действуя так не думая.

Существо, иначе стоило мне только закричать, враз сошло с места, и, переходя также скоро с шага на бег, помчалось на меня. А меня точно парализовало от страха. Я то очнулся лишь, когда между нами осталось шагов пять, посему вместо того, чтобы нырнуть в щель откуда пришел, зачем-то развернулся и побежал от него прочь. Наверно я сделал не больше трех шагов, когда вспомнил про спасительную щель и резко повернул влево к стене, да только не удержавшись на скользкой подошве сандалий, прямо-таки, влетел лицом в ее поверхность.

Оная к моему изумлению сохраняла общую контрастность пещеры в виде широких ярко сияющих полос, а по структуре оказалась вязкой, потому и трепещущей. Я врубился в поверхность стены сперва головой, потом дернулся назад, и, оказавшись, будто в ловушке, взмахнув руками, погряз в ней и ими вплоть до запястий. Горьковатые колыхающиеся массы стены надавили мне на глаза, заскочили вязкостью в ноздри и рот, закупорив на чуть-чуть дыхание, впрочем, уже в следующий момент я почувствовал, что перестал задыхаться. Только их горечь, переполнившая мой рот, с особой силой надавила на нос, пожалуй, даже растворив в себе остатки крыльев ноздрей или только пустив из их краев кровавый поток с серебристым отливом, прямо в желтоватое сияние полосы смотрящейся и вовсе отчетливо.

Крепкая хватка чьей-то мощной руки внезапно почувствовалась на моей правой ноге, в части голени, а потом меня резко выдернули из вязкости стены, сразу подняв вверх и с тем развернув вниз головой. И я тотчас выплюнул изо рта огромный шмат субстанции, теперь уже осознанно задышав ртом. Я даже легонечко качнул головой и пару раз моргнул, прочищая веками зрение, потому уже в следующий момент увидел прямо перед собой большое лицо существа и выглядывающий из косматых, переплетенных между собой волос раскосый, черный глаз, порой смыкающийся красноватыми веками, утыканными короткими ресничками. Внутри того глаза не имелось белка али зрачка, и ровно правила одна чернота, пышущая гневом, желанием убить и защитить то для чего он тут поставлен. Посему я понял, что проживаю последние мгновения своей жизни и явно не увижу его ясность Ларса-Уту, прабу планеты Пятнистый Острожок, системы Медуница, Галактики Сварга. И стоило только сей мысли промелькнуть, а открывшемуся рту закричать, как во мне вновь животное взяло вверх над человеческим. А желание выжить, любым путем, скажем так, застлало глаза. Понеже я вскинул правую руку и схватил себя за нос, стараясь не только оторвать от него остатки крыльев, но и собрать крови.

Существо между тем слегка трянуло меня вверх-вниз, точно намереваясь приладиться и шибануть мной об пол, когда я, давясь болью, и просочившейся из краев носа, прямо в мой рот, кровью, дернулся в его сторону. Моя свободная левая рука, ухватила прямо за волосы, покрывающие лицо существа, а измазанная собственной кровью правая ладонь и пальцы мотнувшись в направлении его глаза, прошлись прямо по той оболочке, размазывая на ней красно-серебристые сгустки, наблюдаемо растворяя ее или в ней.

Существо все еще продолжало удерживать меня за ногу, когда я отпустил волосы его лица, подумав, что опять ради себя убиваю. Впрочем, уже в следующий момент его пальцы дрогнув, разжались, выпуская из хватки мою ногу, и поколь я летел вниз, вся фигура существа созерцаемо качнулась, падая плашмя и как-то дюже скоро. Потому я, толком не успев достигнуть пола, когда перед моим наблюдением выскочили его две толстые голени, точно принявшие мою голову на себя, а после и все тело, да слегка вроде как качнувшие меня вверх-вниз.

Глава тринадцатая

Я пришел в себя, вероятно, не сразу, и как мне, показалось, очнулся лишь, когда услышал далекое раскатистое «саиб». Одначе тут же вскинул голову и в ответ закричал:

– Здесь! Здесь я! – и тотчас подо мной, что-то тягостно дрогнуло. А я сам сполз с округлого вала вниз, плюхнувшись на пол всей поверхностью спины, ощутив тягуче-жгучую боль в ней (точно отдающуюся в груди) и вяжущую на лице. Я глубоко вздохнул носом, хотя он сейчас ощущался, словно набухший ком, и, сместив взгляд влево, увидел, что сполз не с вала, а с застывшей ноги существа.

Ощущение боли правящей во мне сразу сменилось на горечь от собственного поступка, посему я торопливо поднявшись, сел, а после встал, и огляделся. Существо лежало подле меня на спине, вытянув ноги и руки, и уже почти не подавая признаков жизни. Лишь порой его грудь мелко-мелко вибрировала, а из единственного глаза, сейчас почти белого, прямо из уголка тонкой струйкой вытекала алая кровь.

Ужас, такой, какой я испытывал всякий раз от собственных действий, вроде придушил меня. Понеже я качнувшись ступил вперед, словно, и, не чувствуя онемения в ногах, едва их переставляя, теряя понимание, где я и, что со мной. Не в силах отвести взгляд от сотворенного. Алая кровь существа теперь, как я мог увидеть, подкрасила его с красноватым оттенком волосы, густо покрывающие голову и лицо, и сочилась из самой желтовато-красной кожи. Слегка вроде как вскинутая из-за торчащего на спине горба, его голова так же, как и все тело, легонечко вибрировала только в этом случае из стороны в сторону, а когда я к ней приблизился, замерла, видимо, существо окончательно покинула жизнь.

Осознание собственного уродства, убивающего все живое, теперь переполнило меня особой горечью так, что застыв возле существа, я закрыл лицо ладонями и горько заплакал, мешая стоны от собственной физической и нравственной боли. Понимание, что такую опасность, кою я представляю для всех и сейчас продемонстрировал, как и раньше не примут и постараются уничтожить.

– Саиб, – внезапно раздался позади меня голос Чё-Линга, и я резко убрав руки от лица, обернулся, приходя в ужас от мысли, что расплата за поступок пришла так быстро. И ежели авитару меня сейчас не убьет, как источник заразы, то я его убью, как та самая зараза.

– Стой! – закричал я, лишь миг спустя увидев фигуру Чё-Линга на фоне той стены, что располагалась, как раз напротив лаза, по которому я пришел в пещеру. И хотя стена была значительно удалена, я только сейчас заметил, что почти в ее углу находится невысокий проем, из которого и вышел авитару.

– Стой там Чё-Линг, не подходи! – громко заорал я, увидев, что авитару не то, чтобы не остановился, даже не снизил быстроты своего шага. – Не смей подходить ко мне! – теперь я и вовсе запаниковал, мешая страх перед ним, со страхом за него и тотчас поднял руки вверх, словно стараясь сдержать его поступь.

Может потому, как я закричал с очевидным страхом, ужасом, он, наконец, остановился и зримо приподнялся на носочки ног, наблюдаемо качнувшись, или только стараясь заглянуть в лицо лежащего позади меня существа.

– Саиб, что случилось? – голос его бархатистый прозвучал очень низко, посему я едва услышал... или только понял его.

– Это я... Я такая дрянь. Я его убил. Я всех убиваю своей кровью. Не подходи ко мне. Не подходи, – едва дошептал я и от слабости качнулся, ощутив, как задрожали мои ноги, сверху, донизу. Поелику боясь упасть, я, снова опустившись, сел на пол. – Помнишь, я тебе рассказывал, что обо мне говорил тот который служит Этлий-Ка... Помнишь? – переспросил я, и увидел, как Чё-Линг кивнул, только не сразу, а словно предварительно о чем подумав, –

так вот, я тебе соврал... Не рассказал всего, абы боялся, что ты меня бросишь или убьешь. Ибо он сказал, что кровь моя и вовсе наполнена вирионами, кои могут быть опасны для живых существ и созданий. Он молвил еще, что ему непонятно даже являюсь я носителем их, или могу передавать... Так вот я могу их передавать, заражать иных чрез кровь, когда гневаюсь, боюсь, или мне, что грозит... Прости, что соврал... Прости, я просто хочу увидеть Ларса-Уту, я не хочу быть таким, не хочу! – от испытываемого страха я опять перешел на крик, а после и вовсе зарыдал, да вновь прикрыл лицо ладонями, внутри осознавая, что меня скорей всего не украли и спрятали на Земле, а выкинули, как нечто отвратительное, опасное... Как мерзкую заразу...

– Успокойтесь, сайб, никакая вы не зараза! Прекратите выть, аки дикий зверь! – теперь это раздалось прямо надо мной, и я того не ожидающий, сразу перестал рыдать и втянув голову в плечи, застыл, точно ожидая, что Чё-Линг меня сейчас, как эту самую заразу убьет.

Он, впрочем, ощутимо присел напротив меня, и, обняв обеими руками, привлек к себе, слегка прижав к груди.

– Я могу тебя заразить, коль кровь сочится из носа, – тихо прошептал я ему в грудь, и прижатыми к носу подушечками правых пальцев ощупал его, определив, что на месте крыльев сейчас находятся плотные корочки крови.

– Я же толковал, что не живое создание, нечто иное, биоэлектромеханическое создание, – все также успокоительно и вельми уверенно произнес авитару, да очень бережливо провел ладонью по моей спине, таким побытом, окончательно приводя меня в чувства. – Понеже меня не так легко убить даже вашим вирионам, сайб. Да и потом кровь течет только с волота, а не с вас.

– И, что ты теперь будешь делать со мной? – спросил я и тягостно вздрогнул, зафиксировав пальцы и ладонь на носу, боясь, выпустить с него и капли такой страшной отравы.

Чё-Линг расплел свои объятия и слегка отстранил меня от себя, и я увидел, что он, оказывается, сидит. Его желтые глаза с всплесками сизого, точно собравшихся сейчас лишь в пятнышки, уставились мне прямо в лицо, вызывая еще большее волнение, а полные, коричневые губы вновь растянулись в улыбке, блеснув камнями внутри желтых зубов.

– Агисы, чокаши, сайб, – наконец, очень тихо отозвался он, каждым сказанным словом успокаивая меня, – даже не поняли, что за драгоценность попала в их руки. Но, Чё-Линг, не тында тупая, он понимает, что способность ваша сеять вирионы, роднит вас с гиалоплазматическими Галактиками, а это не просто ценность, сие еще какое оружие, может против них в первую очередь. Абы агисы, все их сплетни, интриги, козни, стычки прах в сравнение с той опасностью, что несут на себе гиалоплазматические создания. Может вашего явления ждали, посе му Ананта Дэви и просил присматривать за Солнечной системой и Этлиль-Ка... – Он протянул правую руку и ласково, подушечками пальцев, огладил мою голову, точно касаясь и впрямь какой ценности, а потом, повышая голос, дополнил, – а днесь, сайб, я подниму вас на руки и вынесу из сей пещеры, абы на выходе нас с вами ждет клоп. И мы улетим на континент Лакия в центральный град агисов Чьётан, да и хватит вам плакать и так волноваться.

Он, теперь, не мешкая, подхватил меня под спину и ноги, да сразу поднявшись с пола, встал. И все с той же стремительностью, развернувшись, широко зашагал к проему в стене, кой я давеча приметил.

– Как ты меня нашел? – спросил я, продолжая прикрывать нос ладонью, и вроде, как немного сторонясь груди авитару, в страхе навредить. А он внезапно легонечко меня качнул, и я волей-неволей прижался головой к его плечу, замерев.

– Услышал ваш крик, – пояснил Чё-Линг и чуть слышно усмехнулся, – это ж надо было вам в ту щель прорваться. Благо сию кудлулу для меня рыли, и сама пещера, как и град, эйфор, волоты, дорийцы, все мною куплено. А то, непременно, бы выдали нас. А в сей пещтере добывают важру, гляжу, вы в нее лицом въехали, она у вас кусочками на коже зацепилась. Сие я

тож выкупил, дабы стоимость верховному канцлеру агисов перебивать и коль надобно напрямую поставки забирать. – Он теперь сместил на меня взгляд и вновь засиял своей приятной, располагающей улыбкой, чуть ниже досказав, – да токмо вы об том ни-ни и ни гу-гу...

Я тягостно затряс головой, все еще страшась, что коль не соглашусь, меня прямо тут и оставят, в этой пещере. Между тем мы прошли сквозь проем находящийся в стене, каковой был относительно невысоким, хотя и широким, посему авитару пришлось приклонить голову, и ровно уставить мне в живот. И вступили в проход со слегка закругленным сводом, оный был земляным, ибо его черные стены, со сбитыми пластами, слегка переливались, и, где мой слух уловил легкий рокот. Данный туннель ощутимо вел сначала прямо, а потом резко взяв вправо, принялся идти на подъем.

– Тутова у меня еще около трехсот восьмидесяти подобных пещтер с важрой, вельми доходное место, я вам скажу, саиб, – добавил Чё-Линг и также ощутимо принялся подниматься вверх по теперь расширяющемуся проходу. Да я только супротив моих желаний не осматривался, прижавшись к груди авитару и боясь, что-либо еще не то выкинуть, потому лишь внимательно его слушал.

– И чего вы туды пошли, саиб, в сию пещтеру? – наконец спросил он, то, что его, видимо, волновало.

– Услышал топот, и стало любопытно, – ответил я, убирая только сейчас от лица ладонь и не смело скосив взор вправо, приметил и вовсе огромный проем, ведущий из пещеры. На Риньяке, очевидно, наступила ночь, а черный с просинью небосвод, разлинованный красноватыми продольными полосами (сейчас первым, глянувшим на меня с внешней стороны пещеры), ко всему прочему наблюдаемо прикрылся сверху растянутым тонко-серым покровом. Он словно стыковался с блестяще-черными склонами, какого-то мощного скалистого кряжа, протянувшегося в обе стороны и находящегося напротив выхода из пещеры в относительном удалении. Чуть вскинутые макушки горных пиков на нем венчались ледяными, ребристыми наслоениями. А сами склоны, расположившиеся подобия отвесной стены, покрывало множество разломов, трещин и выбоин.

Такой же точно горный, скалистый хребет проходил и справа от склона, в котором располагалась пещера, а слева он шел на понижение, спускаясь в еще более далекую долину широкой утесистой стеной, в этом случае почти не имея отдельных вершин и все больше напоминая каменные вырубки, да гребни. Мы же с Чё-Лингом выступив из пещеры, оказались на узкой полосе довольно выровненного плато, поросшего низкой, красноватой травой создающей, опять-таки, сплошной покров. Местами обаче, подобия полянок, здесь росли не высокие, с раскидистыми тонкими веточками кустики, покрытые крупными с кулак желтыми, синими, черными многолепестковыми цветами.

Яркость цветков, распустившихся в ночи, созерцалась такой насыщенной, а небольшой, точно брызжащий с неба дождик перемешивал свежесть воздуха с ароматом сладких пряностей. Посередине плато располагалась небольшая и тут вытянутая котловина, заполненная сине-багряными водами, по которой дождевые капли тарабанили вельми бойко, вызывая погогие волны. А возле нее лежало несколько огромных и тут черных камней, вроде нарочно так положенных.

Склон горы, более отложистый, в основании которого располагалась пещера, лишь на вершине своей просматривался скальными выходами, а сама его поверхность густо поросла травой. Не наблюдалось, где вблизи леска, дерева али юной поросли, хотя сам район наполняла раскатистая переключка птиц, выводящих ту-ту, сюр-сюр, выуть-выуть.

Свежесть воздуха огладила мою изболевшуюся кожу, точно родительская ладонь, приглушая страдания пережитого и даже страх. Посему я задышал глубже и, как мне показалось не столько даже носом, ртом, сколько вроде участками кожи, пожалуй, что расположенными

на руках. И приоткрыв рот, высунул язык, да принялся ловить на него воду, так как к голоду сейчас стал еще и испытывать сильную жажду, что со мной случалось не часто.

Легкий рокот, тот самый, что послышался мне еще на выходе из пещеры, сейчас явственно звучал откуда-то справа, и я слегка развернув голову, увидел прямо наискосок от котловины большое судно. Черно-матовый корпус, оно чуточку блестел, особенно когда по нему ударялись капли дождя. Плоский, вытянутый аппарат был словно собран из двух сегментов, равной ширины. И если передняя его часть завершалась широкозакругленными формами, имея зазубренные бока, то задняя наблюдалась обрезанной в конце. Судно опиралось на шесть приподнятых трубчатых ножек, с платформами на концах (удивительно тонких для такой махины), и тут, словно зазубренных по краю или только покрытых густыми короткими волосками, местами образующими овальные пятна желто-рыжего цвета. В заднем сегменте аппарата созерцались, выдвинувшиеся отвесно вверх и слегка принявшие в сторону, чуть зримо вибрирующие жесткие, кожистые крылья, наблюдаемо испещренные красными трубчатыми утолщениями. И если бы Чё-Линг не говорил мне про судно, и в боку его первого сегмента не зиял раскрытый проем, ведущий внутрь, я бы подумал, что увидел огромного такого жука, точнее клопа, весьма молвить на коего он и походил.

Авитару сразу направился к судну, и спустил меня с рук уже внутри его первого сегмента, сам притом пока оставаясь снаружи. И стоило только моим ногам опереться о гладкое серебристое полотно пола, как я немедля развернулся, обозревая клопа, его и тут растянуто и широкозакругленные стены, такого же, как пол свечения. Только в отличие от прямлета, на котором мы покидали спутник Хияк, внутри судна уже сразу на трех его стенах находились прозрачные иллюминаторы. Точнее стены, вроде как от середины плавно выгнутого потолка имели ту самую полупрозрачную структуру. В центре первого сегмента клопа стояло два приземистых и точно без ножек стула (или кресла), с высокой спинкой, без подлокотников, а напротив, проходил приподнятый помост, где (как и на прямлете) перемигивались красными, синими, зелеными огнями вытянутые, круглые, квадратные клавиши, в стеклянных трубках покачивалась жидкость, вспыхивали световые пучки и дрожали тончайшие стрелки, шарики и вовсе крупинки света.

– Садитесь сайб, в кресло, – указал Чё-Линг и легонечко подтолкнул меня в спину. Потому я сразу ступил с места, и, направившись к крайнему сидению, опустился в него, сызнанова утонув в его глубоких и мягких формах, точно не совсем рассчитанных на меня. И стоило мне в нем утонуть, как пригнув голову, внутрь клопа залез авитару, качнув в правой руке корзину, похожую на ту, что оставили в кудлулу. Он поставил корзину к моим ногам, лишь после того опустился в кресло, так ровно сел на пол, выставив вверх свои колени. Впрочем, кресло внезапно легонечко дернулось вверх, наблюдаемо качнувшись, и, вместе с тем приподняло над полом сидение, а вместе с ним и Чё-Линга. Посему уже в следующий миг он вновь стал надо мной возвышаться.

Легкое рокотание, идущее от стенки расположенной позади, теперь слышимо усилилось, а из боковой стены, точно из прозрачного иллюминатора выехала, сомкнув проем створка. Она хоть и наблюдалась прозрачной, лично для меня была прекрасно видима.

– Это клоп, сайб, маневренное судно людоящеров, – проронил Чё-Линг, усаживаясь удобнее в достаточно узком для него кресле, и, тем движением останавливая рост самого сидения. – Оно в короткий срок доставит нас с вами на континент Лакия. Я купил парочку таких у людоящеров, для своих нужд и все они находятся на Риньяке, у эйфоров служащих мне. Да и то, коль толковать честно, сие была не вельми честная сделка, – авитару, резко выдохнув воздух, усмехнулся. – Я так молвить обманул его величие верховного правителя людоящеров, сказав, что мне сих клопов надобно приобрести, и в том заинтересован Ананта Дэви. Лишь посему верховный правитель одобрил сделку, ибо людоящеры, одна из высокоразвитых рас, коея вельми продвинута в судостроение, иначе не больно торгует своими разработками. Благо

его величие не уточняло у Ананта Дэви нашто мне сие клопы, и увертка удалась. А днесь я думаю, она вельми нас с вами выручит.

Чё-Линг подался вперед, и, протянув руку к помосту, сдержал раскрытую ладонь над красными, синими, зелеными клавишами, стеклянными трубками с жидкостью, световыми пучками, тончайшими стрелками, шариками, крупинками света, каковые разом замерли в своих световых колебаниях и ярко плеснули белый свет, да точно такой же беловатый пар, закручиваясь в виде спирали, поднимаясь вверх и дотягиваясь до кожи его руки.

– Кыймылдаткыш, орналаскан жайга Лакия, бурша Чьётан, гарыш айлы, – произнес Чё-Линг и я сразу понял, он сейчас говорил не на языке планеты Риньяк, а на каком-то другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.